

Элис Код

Шесть сторон света

Книга II

Элис Код

Шесть сторон света. Книга 2

«Автор»

2026

Код Э.

Шесть сторон света. Книга 2 / Э. Код — «Автор», 2026

Иногда самое опасное путешествие начинается с простого шага за порог. Для Эйнджела Найта таким шагом стала встреча с Фелмором — бессмертным хранителем, избравшим его наследником силы, способной изменить мир. Но вместо венца и славы парня ждёт лишь бесконечная дорога. Вместе со своим наставником он оказывается в Аэрокастере, городе, где магия — закон, а за стенами дворцов зреет заговор. Город умирает от неизвестного недуга, и в этой болезни, как в отражении, кроется нечто большее, чем эпидемия. Эйнджелу предстоит узнать, что легенды не всегда говорят правду, союзники могут оказаться врагами, а будущее нельзя подчинить одной лишь судьбе. Это история о том, как обычный человек становится выбором — и учится нести его бремя.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Элис Код

Шесть сторон света. Книга 2

Глава 1

Кому вообще могло прийти в голову, что срезать путь через лес — хорошая идея? Причём обойти эту проклятую чащу никак не выйдет: узенькая тропка, змеёй выющаяся меж морем деревьев, — наш единственный путь к цели. Места здесь глухие, хоженные редко, а значит, опасные. В лесу водилось зверьё, что время от времени выходило к дороге в поисках пищи. Ладно волки, ладно медведи — с ними-то я справлюсь. Но ведь в здешних краях полно бандитов! Пока нам, к счастью, никто не встретился, но чует моё сердце: если и дальше так блуждать, неприятностей точно не миновать.

— В следующий раз напомни мне не слушать твоих советов и просто купить карту, — проворчал я, продираясь сквозь очередные колючие кусты.

— Ты сам согласился срезать, а теперь жалуешься? — невозмутимо отозвался мой спутник.

Кого же занесло вместе со мной в эту глухомань? Правильнее спросить — кто завёл нас в самую глубь леса. Это был Хранитель, когда-то избравший меня как следующего кандидата на роль Создателя. Фелмор — так звали моего спутника — был человеком весьма своеобразным. Ему перевалило за четыре тысячи лет, он десяток раз обошёл весь мир и, по его заверениям, наизусть знал каждое деревце в этом лесу. По его же наводке мы и решили сократить путь, но вместо этого окончательно заплутали. Теперь мы из последних сил пытаемся выбраться обратно к дороге, но, сдаётся мне, лишь сильнее увязаем в чащобе.

— Временами я забываю, что твои знания могли устареть на пару десятков столетий, — бросил я, перепрыгивая через замшелую кочку. — Возможно, когда-то здесь и была другая дорога, но сейчас, как видишь, от неё и следа не осталось.

— Не трать силы на пустую болтовню, — проворчал он, отводя рукой нависшие ветви. — Нужно выйти к той тропе до темноты.

Я тяжело вздохнул и молча поплёлся следом. Тяжело признавать, но он прав — силы стоит поберечь. Уже вечерело, а ночевать в лесу мне хотелось меньше всего. Я и так целую неделю спал на голой земле и надеялся, что сегодня мы доберёмся хоть до какого-то подобия цивилизации. Мысль о нормальной кровати заставляла сердце сжиматься от тоски. Хранителю же не нужно ни спать, ни есть, ни уделять время прочим человеческим слабостям. Его всегда бесило, когда я предлагал отклониться от маршрута, чтобы пополнить припасы или просто немного передохнуть. Вот и сейчас мы угодили в эту передрыгу лишь потому, что ему не понравился мой беззаботный тон, когда я говорил о грядущем отдыхе в деревне. «Давай тогда сократим путь, чтобы надолго не задерживаться?» — предложил он, уверенно сворачивая с наезженной колеи. Если бы я только знал, чем всё это кончится!

С досады я что есть силы пнул камень, подвернувшийся под ногу. Фелмор заметил это и остановился.

— Эйнджел, держи себя в руках! Понимаю, ты злишься, что тебе, возможно, снова придётся ночевать под открытым небом, но я правда делаю всё, что в моих силах.

— Оно и видно, — недовольно буркнул я, проходя мимо. — Изо всех сил постарался завести нас в самую чащобу.

— Мы уже недалеко от дороги, — бросил он, продолжая движение. — Не переживай, будет тебе нормальный ночлег.

С этими словами он по-дружески хлопнул меня по плечу. Ему легко говорить — он усталости не ведаёт, а я уже еле волочил ноги. И всё же, стиснув зубы, я продолжил продираться сквозь валежник и кусты, упрямо шагая вперёд.

Спустя какое-то время я заметил несколько свежих пней. Похоже, кто-то недавно срубил эти деревья, а значит, где-то поблизости есть люди! От этой мысли силы сами собой начали прибывать, и я зашагал с куда большим рвением. Пней становилось всё больше, и вскоре нам наконец-то удалось выйти к дороге. Я огляделся и увидел за деревьями просвет, похожий на опушку. Мы с Хранителем поспешили туда и, вырвавшись из цепких объятий чащи, увидели, что совсем недалеко, у реки, раскинулась небольшая деревушка. Моему счастью не было предела — наконец-то добрались! Уже смеркалось, так что я едва не бежал, предвкушая заслуженный отдых.

— Я же говорил, что смогу нас вывести, — произнёс Фелмор с явным самодовольством.

— Мы бы и не плутали, если бы ты не решил срезать путь, — парировал я.

— Однако путь мы всё-таки сократили, — заметил он. — Если это та самая деревушка, о которой нам рассказывали, то добраться до неё мы должны были только к завтрашнему вечеру.

Какая, в сущности, разница, та это деревня или нет? Главное — сегодня у меня будет горячий ужин и тёплая постель. Как мало, оказывается, нужно человеку для счастья — простых человеческих условий. Из-за этого путешествия мне пришлось привыкать к суровому аскетизму, и оттого я начал намного сильнее ценить обыденные приятные мелочи.

Деревня оказалась довольно крупной и больше походила на маленький городок. Была здесь и небольшая церквушка, и пара магазинчиков, и даже центральная площадь. Постоялого двора я не приметил, а в местной таверне не нашлось свободных мест. Я уже было совсем расстроился, но хозяин заведения посоветовал обратиться к местным жителям:

— Вы можете пойти к Яре. Это наша травница, живёт в большом доме на окраине. Она часто принимает у себя путников, особенно тех, кто держит путь из центральной части Великого Миддейна.

Получается, мы как раз подходили под описание. Я сам родом из Флаемора, столицы Великого Миддейна, а Фелмор — из Сайденса, самого большого города нашего королевства. Оттуда мы, собственно, и начали своё странствие, так что нам было чем поделиться с местными. Разыскать дом травницы труда не составило — он стоял на самом краю, окружённый большим садом. Наверняка летом это место выглядит потрясающе: буйство зелени, фрукты, цветы — словом, сказка. Жаль, что сейчас конец осени, и вместо цветущего великолепия взору предстали лишь голые стволы, пожухлая трава да слякоть. Двухэтажный дом из сруба с небольшой террасой выглядел на редкость уютно на фоне всей этой серости. Решив не медлить, я поднялся на крыльцо и постучал. Спустя мгновение дверь открыла довольно крепкая женщина лет сорока. Я представился и объяснил, что мы ищем ночлег.

— Полагаю, вы путешественники? — спросила она, окинув взглядом меня и Хранителя.

— Да, мы идём от самого Флаемора, — ответил я, вежливо улыбнувшись. — Нам также довелось гостить в Сайденсе, как раз когда там проходил турнир.

Яру, похоже, заинтересовало упоминание турнира, и она тотчас пригласила нас войти и продолжить беседу внутри. Эта чудесная женщина усадила нас за стол, накормила и принялась слушать наши рассказы. Вернее, пока я ужинал, Фелмор развлекал её байками о своих странствиях, а затем передал слово мне. Я поведал ей обо всём, что приключилось со мной за последние полгода. Подумать только — столько времени минуло с тех пор, как я покинул отчий дом! Кое-какие моменты, само собой, пришлось опустить, но, судя по всему, хозяйка осталась довольна. Особенно ей пришёлся по душе рассказ о том, как я спас Сайденс от нашествия призраков, и о моей победе на турнире, где я вырвал первенство у самого принца Йошихары.

— Неужели следующим правителем Миддейна будет королева? — изумилась она, когда я закончил. — Ты принёс мне поистине добрую весть! Однако позволь спросить ещё кое о чём. Не доводилось ли тебе встречать в пути сведущих знахарей?

Я отрицательно покачал головой, и Яра понимающе кивнула. На мой вопрос, почему она спрашивает, последовал несколько странный ответ:

— Хотелось бы узнать их мнение по одному вопросу, — задумчиво протянула она. — Но это связано со знахарством, ты вряд ли поймёшь, о чём речь.

Я кивнул и вернулся к своему повествованию. Мы проговорили ещё какое-то время, пока свеча на столе окончательно не догорела. Тогда хозяйка поднялась и сказала, что пойдёт готовить нам комнату, а мы пока можем искупаться и постирать вещи.

— Чистота — залог здоровья! — улыбнулась она. — Многие местные идут ко мне с хворями, а половину из них исцеляет обычная горячая ванна. За домом баня, там и обмыться, и постирать можно. Вы ведь маги, верно? Думаю, вам не составит труда согреть воду, а натаскать её можно из колодца.

Она показала, где что находится, и ушла в дом. Эта женщина нравилась мне всё больше. Подумать только: нормальная еда, горячая вода, чистая одежда и мягкая постель — я и мечтать о таком не смел! Фелмор, правда, что-то пробурчал насчёт того, что не намерен пользоваться «подобными вещами», но мне уже было глубоко плевать на его капризы. Я попросил его помочь с водой и сказал, что после этого он может катиться на все четыре стороны. Пришлось, конечно, немного поугovarивать, но своего я добился. Боже, как же приятно было вдыхать запах мыла, ощущать себя чистым! Казалось, вместе с грязью с души смылся весь груз усталости, и настроение взлетело до небес — впервые за долгое время.

Мне уже много дней подряд приходилось ночевать под открытым небом. Когда я только покинул столицу, был конец весны, и спать на свежей траве под каким-нибудь раскидистым деревом было даже приятно. Но спать на промёрзлой земле, под проливным дождём, в наспех сооружённом шалаше из веток и листьев — то ещё «удовольствие». Знала бы моя матушка, что её сын превратился в бездомного бродягу, ночующего где попало, — наверное, привязала бы к себе и никуда из дому не выпустила. Но сейчас мне не хотелось жаловаться. Я снова лежал в кровати, по крыше тихо барабанили капли дождя, а в приоткрытое окно задувал свежий ветерок. Усталость наконец взяла своё, и я сам не заметил, как провалился в сон. Мне показалось, что проспал я целую вечность, но, проснувшись, понял — на дворе ещё глубокая ночь. Снаружи доносились возбуждённые голоса, словно кто-то яростно спорил. В одном из них я узнал травницу Яру, а второй был мне незнаком. Я встал, бесшумно подкрался к окну и увидел перед домом два тёмных силуэта, освещённых светом масляных фонарей. В фигуре пониже узнал хозяйку, рядом с ней стоял какой-то парень. Разглядеть его не удалось, но я отчётливо слышал, как он надрывно о чём-то рассказывал. Жаль, что с такого расстояния слов было не разобрать, к тому же усилившийся дождь почти полностью заглушал голоса. Спустя время Яра что-то бросила в ответ, развернулась и ушла обратно в дом. Парень ещё какое-то время отчаянно кричал ей вслед, а затем повернулся и побежал в ту сторону, откуда мы пришли с Фелмором. Кстати, о нём. Где же мой неугомонный спутник?

У него есть дурацкая привычка исчезать в самые неподходящие моменты, и порой это доставляло уйму проблем. Наученный горьким опытом, я, покидая Сайденс, сразу озабочился тем, как развить нашу особую связь. В книге, которую Фелмор дал мне при знакомстве, говорилось, что между Хранителем и его избранным образуется очень прочная магическая связь, позволяющая нам действовать как одно целое. Благодаря ей он мог активировать реликвии, за которыми мы охотились, а я — забирать их силу. Кроме того, развитая связь позволяла мне чувствовать, где именно находится Хранитель, и даже читать его мысли. Правда, работало это и в обратную сторону: Фелмор тоже мог безошибочно определить моё местоположение. Я же не умел этого делать до недавнего времени, но теперь точно мог сказать, куда занесло упряма.

Сосредоточившись на знакомой энергии, я мысленно подал сигнал и ощутил — Фелмор здесь, в доме, но на первом этаже, там, где мы совсем недавно беседовали с хозяйкой. Раз он на месте, значит, всё в порядке. В любом случае, случись что, он меня разбудит. С этой мыслью я вернулся в постель и снова погрузился в безмятежный сон.

Проснулся я довольно рано, привыкнув вставать с первыми лучами солнца. Дождь стих, тучи немного разошлись, и на горизонте разгоралась яркая заря. В последнее время солнце баловало нас своим появлением всё реже, так что, если день продержится ясным хотя бы до полудня, его уже можно считать большой удачей. Фелмора нигде не было видно, и, проведя быструю проверку, я понял, что он где-то далеко отсюда. Это уже становилось подозрительным. Я спустился на первый этаж, но и там никого не застал, хотя стол был накрыт, — значит, хозяйка отлучилась совсем недавно. Исчезать без предупреждения было бы крайне невежливо, поэтому я решил дожидаться её возвращения, а заодно и позавтракать. Долго скучать не пришлось — Яра появилась буквально через несколько минут с огромной корзиной, полной, судя по всему, каких-то трав. Я поздоровался, ещё раз горячо поблагодарил за гостеприимство и уже хотел было отправиться на поиски спутника, но она встала у меня на пути.

— Не лучше ли тебе подождать своего друга здесь? — сказала она, как бы невзначай загораживая дорогу. — Он вышел вместе со мной и должен вот-вот вернуться.

— Куда же он направился? — спросил я, начиная что-то подозревать.

— Откуда же мне знать? — она отвела взгляд. — Но тебе и вправду лучше его дожидаться. Он вернётся с минуты на минуту.

Я быстро проверил, где находится Хранитель, и понял, что он должен быть где-то в том самом лесу, откуда мы вчера вышли. Зачем ему понадобилось возвращаться туда, если наш путь лежит совершенно в другую сторону? И эта травница изо всех сил пытается меня удержать. В этот момент я вспомнил ночного незнакомца. Хранитель, должно быть, тоже слышал тот разговор, ведь он был внизу. Эта Яра явно что-то недоговаривает.

— Куда пошёл Фелмор? — спросил я прямо, надеясь услышать правдивый ответ. — К вам ночью кто-то приходил. Он отправился за этим человеком?

Хозяйка посмотрела на меня с нескрываемым изумлением. Она явно не ожидала, что мне об этом известно. Когда я уточнил, что видел, как она разговаривала с кем-то, ей пришлось во всём сознаться.

— Это был мой сын, — произнесла она упавшим голосом. — Он уже два года якшается с шайкой разбойников, что прячется в здешнем лесу.

— Зачем он приходил? — спросил я, и беспокойство моё усилилось. — Почему вы не сообщили страже, что в деревню пробрался бандит?

— Как я могла? — воскликнула она, и из глаз её брызнули слёзы. — Если бы его поймали, то вздёрнули бы на виселице. Поверь, ни одна мать не пожелает увидеть смерть своего ребёнка, даже если он того и заслужил. Тем более он не хотел никому зла. Напротив — он приходил за помощью.

— Судя по тому, что я видел, помочь ему вы не смогли?

— Его невеста, тоже из этих... из разбойников. В общем, она беглая волшебница. Недавно бедняжка сильно слегла от какой-то хвори. Он умолял меня пойти с ним, осмотреть её, хоть чем-то помочь, но я... я отказалась. Как бы я ни любила сына, идти в самое логово к бандитам мне страшно до смерти. Да и потом — помоги я им, меня тут же изгонят из деревни, а идти мне больше некуда.

Она совсем разрыдалась и, закрыв лицо руками, опустилась на ближайшую лавку. Мне, конечно, было жаль её, но ответа на главный вопрос я так и не получил, а потому продолжил расспросы:

— Я так понимаю, Фелмор решил пойти туда вместо вас?

— Именно так, — всхлипнула она, немного успокоившись. — Это я попросила его сходить. Если эта девица не проходила должного обучения, то, возможно, её сила просто вышла из-под контроля. Мне, обычной деревенской знахарке, в таком случае помочь ей не под силу, вот я и попросила твоего спутника проверить, что с ней.

— Теперь мне всё ясно, — сказал я, направляясь к выходу. — Если недалеко от деревни скрывается беглый маг, следует сообщить властям, ведь её сила может быть крайне опасной. Но вы не можете пойти к старосте, потому что боитесь, что он прикажет повязать всех бандитов, включая вашего сына. Однако и пускать всё на самотёк нельзя. Поэтому вы попросили Фелмора о помощи?

Она кивнула и с мольбой посмотрела на меня.

— Прошу, не рассказывай никому об этом!

Я лишь пожал плечами, не зная, каким будет правильный ответ. Лично мне ни одного бандита в этом мире не было жаль, но раньше я и не задумывался, что у них тоже могут быть семьи. Одного я не мог уложить в голове: как сын такой достойной женщины мог сбиться с пути? Наверное, лучше спросить об этом у него самого. Я спросил у травницы, как пройти к лагерю. Она тяжело вздохнула и, выйдя со мной на крыльцо, указала в сторону леса, описав несколько ориентиров, по которым можно выйти к их логову. Опять этот лес! Как же мне не хотелось туда возвращаться, но и оставлять Фелмора наедине с бандитами я не собирался. О чём он только думал, когда соглашался на эту авантюру? Хорошо, что половину пути можно было проделать по протоптанной дороге. Судя по ощущениям, Хранитель где-то недалеко, и я очень надеялся, что успею нагнать его до того, как придётся сворачивать в чашу.

Утро выдалось ясным, но пробирало до костей. Опавшая листва, пожухлая трава и голые ветви были покрыты серебристым инеем. Раздобыть тёплую одежду я ещё не успел, а потому уже через полчаса начал отчаянно замерзать. Чтобы хоть как-то согреться, я ускорил шаг, постепенно переходя на бег. Так и теплее, и шанс догнать спутника выше. Так и вышло: пробежав примерно половину пути, я увидел своего друга, неторопливо шагающего по тропе. Он услышал мои шаги и, остановившись, удивлённо обернулся. Когда я, запыхавшись, поравнялся с ним, он наконец соизволил заговорить:

— Ну и ну! Я-то думал, тебя в лес силком не затащишь, а ты сам прибежал.

— Конечно! — выдохнул я, всё ещё пытаюсь восстановить дыхание. — За тобой глаз да глаз нужен. У тебя есть отвратительная привычка пропадать без предупреждения.

— Вот ещё! — фыркнул он, отвернувшись. — Мне что, всякий раз у «малышей» разрешения спрашивать, если захочу немного прогуляться?

— Не называй меня так! — вспылil я, заступая ему дорогу. — И вообще — с каких пор бандитский лагерь стал отличным местом для прогулок?

— Так эта женщина тебе всё рассказала? — протянул он, мигом став серьёзным. — Тогда ты должен понимать — нам лучше поспешить.

Я кивнул, и мы зашагали вместе. Как раз неподалёку был нужный ориентир, от которого следовало свернуть в чашу, а там уже до лагеря было рукой подать. В густом лесу особо не побегаешь, и я снова начал коченеть от холода. И почему я до сих пор не выучил ни одного согревающего заклинания? Знал ведь, что на носу зима, и мы держим путь в северные земли, где она куда суровее. Ладно магия — почему я до сих пор не купил себе тёплой одежды? Честно говоря, последние дни мне было совсем не до того. Мы уже больше недели были в дороге, и все мысли занимала стремительно убывающая провизия. Почти все деньги, что у меня были, ушли на еду, а с приближением зимы цены взлетели до небес. Та внушительная сумма, что я получил в Сайденсе, практически растаяла, и у меня просто не осталось лишних монет даже на шерстяной плащ. Я так надеялся достичь нужного города до наступления заморозков, но, похоже, раскошелиться всё-таки придётся.

Мы углублялись в чашу, и в какой-то момент Фелмор заметил, что я плетусь за ним, стуча зубами. Он тяжело вздохнул, снял с шеи алый плащ, который носил на манер шарфа, и протянул его мне.

— Не думаю, что это сильно поможет, но так будет хоть немного теплее.

Я поблагодарил, накинул на плечи ещё хранящую его тепло ткань и даже перестал дрожать. Хранитель не преминул пробурчать, чтобы я был осторожнее с «ценной вещью», и мы двинулись дальше. Пройдя ещё немного, я решился задать вопрос, который вертелся у меня на языке:

— Зачем ты вообще решил помочь этой Яре? Насколько я тебя знаю, тебя мало волнуют мирские проблемы, к тому же ты сам постоянно твердишь, что мы торопимся и не должны задерживаться.

— Мне просто стало любопытно, — ответил он после недолгого раздумья. — Знаешь, когда-то, пару-тройку сотен лет назад, мне тоже довелось путешествовать с бандитами.

— Неужели? — я был искренне удивлён. — Мне казалось, ты разбойников на дух не переносишь.

— Так оно и есть, — пожал он плечами. — Вся эта история вышла случайно. Когда очередной мой избранник почил, нужно было поскорее выбрать нового. Я тогда брёл по какому-то захолустью и увидел, как воришка спешно покидает селение. Последовав за ним, я наткнулся на пещеру — то самое бандитское логово. Внутри было с дюжину человек, а на единственной кровати лежала молодая женщина с новорождённым младенцем на руках. Увидев, как трепетно тот вор взял малыша на руки, я понял, что это его сын. И тут меня осенила «великолепная» идея. Я сказал этому несчастному, что всё видел и могу сию же минуту сдать всю шайку страже. Молодая мать взмолилась, прижимая к себе дитя, и сказала, что готова на всё, лишь бы меня переубедить. Я заявил, что мне нужен её ребёнок. И она, почти не раздумывая, отдала его мне. Естественно, забирать его я не собирался — лишь поставил печать и вернул обратно. Она рыдала и обещала беречь сына, ведь «сам посланник богов» пришёл его защитить. Я подумал, что было бы забавно, для разнообразия, присмотреть за своим избранником, и решил задержаться, посмотреть, что из этого выйдет.

— И в итоге ты остался с ними навсегда? — спросил я.

— Можно и так сказать, — усмехнулся Хранитель. — Время шло, мальчишка рос и вырос довольно крепким юнцом. К несчастью, он пошёл по стопам родителей, что, впрочем, неудивительно — вору рыцаря не воспитать. Я пытался присматривать за ним, вбить в его голову хоть что-то светлое, но тщетно. Парень и вправду уверовал, что я — некое божество, его хранитель, а потому ему всё дозволено. Я же лишь наблюдал и в их бандитские дела не лез, однако мой подопечный был чертовски везуч, пока однажды, совсем потеряв голову, не решил, что сможет ограбить поместье местного лорда. В итоге почти всех перебили, а тех, кто выжил, бросили гнить в подземелье на веки вечные. Я тоже оказался среди пойманных, хоть и был просто свидетелем. Но пока мой избранник был жив, мне было всё равно, где коротать время. В конце концов, спустя лет сорок, и этот малец покинул мир, превратившись в беззубого, слепого старика в своей тёмной камере. Тогда я и сбежал, чтобы найти следующего. Но с тех пор зарекся иметь дела с бандитами.

— Тогда зачем ты сейчас решил им помочь? — спросил я, когда он закончил.

— От хорошей жизни бандитами не становятся, — проговорил он, останавливаясь. — Это главный урок, который я вынес из той истории. Травница сказала, что один из них — её сын, верно? Возможно, мне удастся его образумить.

Фелмор, как всегда, был непомерно высокого мнения о себе. Меня всегда поражала его самоуверенность. Но, надо признать, чаще всего она была оправдана — этот Хранитель не станет ввязываться в дело, с которым не сможет справиться.

— Признайся честно, ты просто чувствуешь себя виноватым и теперь пытаешься заглядывать вину, — заметил я после недолгого молчания.

— Возможно, глубоко в душе я до сих пор уверен, что должен был спасти того маленького разбойника, — задумчиво ответил он. — Но знаешь что? Я вполне искупил вину, несколько раз спасая тебя, так что не переживай на этот счёт.

— Эй, не смей сравнивать меня с бандитом! — воскликнул я, легонько толкнув его.

— И то верно, — рассмеялся Фелмор. — Ты нравишься мне куда больше, чем тот отброс. Да и путешествовать с тобой неизмеримо приятнее, чем с невежественным сбродом.

Мы продолжили путь, следуя указанным ориентирам, пока не приблизились к большому холму. У склона виднелся тёмный провал — видимо, землянка, а прямо перед ней был разведён большой костёр, вокруг которого сидело несколько человек. На всякий случай я положил руку на эфес меча, готовый в любой миг обнажить клинок. Нас заметили быстро. Бандиты тут же насторожились, схватившись за оружие. Фелмор громко крикнул, что мы пришли по поручению травницы и не намерены сражаться. Навстречу нам вышел тот самый молодой парень — должно быть, сын Яры. С недоверием он принялся расспрашивать нас о матери. Убедившись, что мы действительно от неё, он махнул рукой, приглашая следовать за ним, и повёл нас к землянке. Внутри на земляном полу валялось множество шкур и охапки соломы. В углу, укрытая несколькими шкурами, лежала девушка и, казалось, спала. Парень подошёл, присел рядом и тихо произнёс:

— Это моя невеста. Несколько дней назад ей стало худо. Сначала я подумал, что она простыла, но ей с каждым днём всё хуже. Снадобья, что меня научила готовить мать, не помогают, поэтому я и пришёл за помощью к ней. Уж не знаю, чем вы двое сможете помочь, но раз пришли, делайте что нужно.

Я кивнул и тоже приблизился к девушке. Несмотря на то, что мы находились в землянке, света проникало достаточно, чтобы хорошо её разглядеть. Выглядела она ужасно: бледная, с запавшими, мутными глазами и сухой, почти пергаментной кожей. Несчастная смотрела на нас, слегка приоткрыв глаза, будто ей было тяжело даже моргать. Фелмор спросил, что я думаю, но я лишь пожал плечами. Моя мать — целительница при храме, она прекрасно разбирается в хворях, но мне эти познания не передались. Единственное, что я действительно усвоил, — это как оказывать первую помощь при ранениях и обезвреживать некоторые яды. В остальном мои знания были ничтожны. Я попытался исцелить девушку магией, но, потратив уйму сил, понял тщетность своих попыток. Странно, словно мы что-то упускали из виду.

— Знаешь, у меня такое чувство, будто она совершенно здорова, — сказал я, продолжая ломать голову над загадкой. — Если бы это был недуг, исцеление хоть немного, но помогло бы.

— И на потерю контроля это не похоже, — отозвался Фелмор, задумчиво разглядывая больную. — Будь это магический всплеск, она бы не выглядела такой измождённой.

Как только Хранитель произнёс эти слова, я вдруг понял, что именно казалось мне странным всё это время, и поспешил поделиться догадкой:

— Кстати, ты тоже это чувствуешь?

— О чём ты? — не понял он.

— Точнее, ты-то как раз должен это чувствовать, — поправился я, глядя на друга. — Эта девушка — маг, но я совершенно не ощущаю её энергии.

Хранитель нахмурился и, немного сосредоточившись, осознал, что я был абсолютно прав. Кажется, мы начинали понимать, что здесь происходит.

— Энергия в ней есть, — произнёс он, прикрыв глаза. — Но её ничтожно мало.

— Это очень плохо, — откликнулся я. — Если мана иссякнет совсем, она умрёт.

— Да, похоже, она потратила слишком много сил, — согласился он. — Только вот этот парень утверждает, что она заболела внезапно. Если бы её состояние было вызвано перенапряжением от заклинаний, она бы уже восстановилась, и ему не о чем было бы волноваться.

— Может, попробовать дать ей зелье маны? — спросил я, повернувшись к разбойнику.
— Ну, знаешь, такие, что восстанавливают магическую энергию.

Парень кивнул и мигом выскочил из землянки, попросив нас подождать. Пока его не было, Фелмор поделился с девушкой толикой своей силы, отчего ей заметно полегчало. Она даже смогла слабым голосом рассказать о своём состоянии:

— Я чувствую, как моя сила угасает, — прошептала она. — Такого прежде никогда не было. Моя энергия будто тает сама по себе. Я даже не колдовала последние дни и не могу сказать, какое заклятие могло вызвать подобное. Может, меня прокляли?

— А ты знаешь, кто именно мог тебя проклясть? — спросил Хранитель.

— Да кто угодно, — отозвалась она. — Я с остальными уже около года промышляю грабежом. С тех самых пор, как меня изгнали из города.

— По-твоему, изгнание — повод заняться разбоем? — нахмурился я.

— А что ещё мне остаётся? — спросила она, и в голосе её зазвенели слёзы. — Если ты маг, и у тебя нет разрешения храма или печати Аэрокастера, ты мгновенно становишься изгоем. Все мы здесь прошли через это: кого-то вышвырнули из дома, кто-то лишился всего из-за войны, кого-то обманули и оставили ни с чем. У меня отобрали печать ордена, когда гнали прочь из города, и с тех пор меня даже на порог ни одного селения не пускали. Я снова и снова приходила к городским стенам, умоляла Архимагов о прощении, но всё без толку. Когда недавно я вновь попыталась подать прошение о помиловании, стражники у ворот схватили меня и бросили в темницу. Как такое могло случиться? Я была одной из лучших в рядах боевых магов, а из-за подставы моих же «друзей» оказалась в этом унижительном положении! Мне удалось сбежать по подземным ходам, которых много под городом, и я вернулась сюда, к своей новой семье. Эти люди приютили меня, дали кров, пищу, обогрели, когда я больше всего в этом нуждалась. И мне нет никакого дела до судебных толстосумов, пока я помогаю тем, кто мне дорог.

По её щекам градом катились слёзы, она пыталась утереть их, всхлипывая от горя. В этот миг вернулся сын Яры, неся в руках глиняную чашу с какой-то жидкостью. Я помог девушке приподняться, чтобы она могла выпить снадобье, и посоветовал ей больше отдыхать и не перенапрягаться. Мы с Фелмором вышли наружу и предложили парню немного подождать — проверить, действует ли зелье. Время было самое подходящее, чтобы задать мучивший меня вопрос:

— Почему ты стал разбойником?

— Потому что не мог больше оставаться среди этих людей! — с горечью бросил он, отводя взгляд. — Им плевать на чужие беды. Когда у них что-то стрясалось, они бежали к нам с матерью за помощью. Но когда помощь потребовалась нам — никто не пришёл.

— Расскажешь, что произошло? — попросил я, присаживаясь на большой валун неподалёку от входа.

И он поведал мне историю знакомства со своей возлюбленной. Он увидел её, бредущей по дороге, потерянную и несчастную, и сразу захотел помочь. Она рассказала, что её изгнали из северной столицы за проступок, которого она не совершала, и клялась, что её подставили завистники. Когда-то она была перспективным магом и даже собиралась стать личной охраной одного из правителей Аэрокастера. Но перед последним экзаменом её внезапно отстранили, она так и не поняла, за что. Он захотел ей помочь. Мать разрешила девушке остаться у них, и через какое-то время он по уши влюбился. В деревне знали, что у травницы поселилась волшебница, но никто не доносил. Так продолжалось до тех пор, пока однажды к ним в дом не нагрянул отряд стражников во главе с инквизитором. До них дошли слухи о скрывающемся маге, и селяне сразу указали на нужный дом. Парня это привело в ярость, он бросился на незваных гостей, но был быстро скручен. Яра чудом уговорила стражу не забирать сына в обмен на беглую волшебницу. Девушку тут же арестовали. Но сын травницы не собирался всё так оставлять и увязался за конвоем. Когда они приблизились к лесу, из кустов внезапно выска-

чили разбойники. Стража, не ожидавшая засады, растерялась, и это промедление их погубило. Бандиты действовали быстро и слаженно — видно, не впервой им было разделяться со служителями закона. Девушку они поначалу не тронули, решив, что она важная птица, раз её сопровождает столько солдат. Лишь позже заметили, что руки её связаны, и поняли — она такая же пленница. Парень подбежал к возлюбленной и горячо поблагодарил разбойников за её спасение. Те, удивлённые таким порывом, выслушали историю девушки и предложили ей примкнуть к их шайке, раз уж за ней всё равно охотятся. А сын Яры не захотел бросать любимую и ради неё решил навсегда отказаться от мирной жизни.

Да уж, воистину невероятная история. Мне было искренне жаль эту несчастную, но всё же поступок их был слишком опрометчив — вот так взять и примкнуть к шайке. Как только парень закончил свой рассказ, я предложил проведать его невесту. Ей уже должно было полегчать. Увы, наши надежды не оправдались: девушке вновь стало хуже, и мана, вместо того чтобы восстановиться, упала почти до нуля. Теперь она лежала без чувств, тяжело и неровно дыша. Бедный возлюбленный держал её за руку, заливаясь горькими слезами, но уже ничем не мог помочь. Не прошло и часа, как девушка испустила последний вздох, и её мучения закончились. Мне стало пронзительно жаль и её, и этого разбойника, только что потерявшего самого дорогого человека. Я вдруг представил себя на его месте, и рука невольно потянулась к серебряному кулону в форме луны, что висел на груди. Фелмор, заметив этот жест, сказал, что я могу подождать снаружи, а ему нужно ещё кое о чём спросить у парня. Я вышел на свежий воздух и с тоской уставился в небо. Его снова затянуло тучами — серыми, как клинок, и бесконечно тяжёлыми. Я всё сжимал в руке серебряную луну, погружённый в свои мрачные думы.

Эта девушка была почти одного возраста с Иви. Мысли о ней вновь заполонили мой разум, затопив сердце щемящей тоской. Уже почти три месяца минуло с тех пор, как я оставил в Сайденсе часть своей души. Образ улыбчивой, рыжеволосой, зеленоглазой волшебницы снова и снова вставал перед моим внутренним взором. Как она там, без меня? Вдруг ей тоже нездоровится, а я даже не знаю? Три месяца — с одной стороны, совсем немного, но вдруг этого срока хватило, чтобы она забыла меня? Нет, она обещала помнить, пока я не вернусь. И я поклялся вернуться во что бы то ни стало.

Из тяжких раздумий меня вывел Фелмор. Он сообщил, что нам пора возвращаться и рассказать Яре о случившемся. Я молча кивнул, и мы двинулись в обратный путь. Как только лагерь скрылся из виду, Хранитель первым нарушил тишину:

— Ты не виноват в том, что произошло, Эйнджел, — сказал он, легонько хлопнув меня по плечу. — Я хоть и знаю, как исцелить множество болезней, но с таким столкнулся впервые. Мы с тобой не лекари и сделали всё, что могли.

— Я понимаю, но...

— Она напомнила тебе Иви? — мягко перебил он, грустно улыбнувшись. — Не терзайся. Доберёмся до города, и сразу напишешь ей письмо. Хотя я понимаю, каково это — тосковать по любимому человеку, и что даже сотни писем не заменят одного-единственного мига встречи.

— Да что ты вообще в этом понимаешь? — проворчал я, смущённо отворачиваясь. — Ты никого и никогда не любил, кроме самого себя.

— Тебя, малыш Эйнджел, порой так легко обидеть, — вздохнул Хранитель. — С чего ты вообще взял, что я такой уж бессердечный?

— Потому что так и есть, — буркнул я, обходя очередной куст. — И я уже тысячу раз просил не называть меня малышом!

— Попробуй попросить ещё тысячу раз — может, тогда и перестану, — лукаво усмехнулся Фелмор. — Или придумай себе другое прозвище, на которое ты будешь реагировать так же забавно.

— Из всех Хранителей мне достался именно тот, кто больше всего на свете обожает измываться над людьми, — проворчал я себе под нос, так, чтобы он не расслышал. — И за что только Создатель так меня наказал?

Мы продолжили путь, обсуждая произошедшую трагедию, пока не добрались обратно до дома травницы. Яра ждала нас с уже готовым обедом и с порога пригласила к столу. За последние недели я привык экономить провизию и отвык так плотно есть. Однако отказываться было невежливо, и мы с Фелмором принялись уплетать всё, что было на столе, под одобрительным взглядом хозяйки. Вообще-то Хранителю не нужно питаться, но мы давно выяснили, что он вполне может употреблять пищу, а от вина даже способен опьянеть. Вот только вкуса он совсем не чувствует, а потому считает это пустым переводом продуктов. Но Яра могла что-то заподозрить, если один из гостей уже второй день кряду не притронется к еде, так что Фелмор решил составить мне компанию для отвода глаз. Мы насытились и рассказали обо всём, что случилось. Наш рассказ сильно встревожил травницу.

— Я слышала, что в Аэрокастере сейчас фиксируют множество случаев заболевания, по описанию очень похожего на ваше, — проговорила она, хмурясь.

— Это дурной знак, — отозвался Фелмор. — Та волшебница говорила, что недавно была в городе и даже угодила в темницу. Возможно, заразилась она именно там.

— Кстати, мы ведь как раз туда и направляемся, — заметил я, глядя на Хранителя. — Может, стоит пересмотреть маршрут?

— Я, конечно, понимаю, что это серьёзная просьба, но не могли бы вы всё же отправиться в северную столицу? — с надеждой в голосе спросила Яра. — Я напишу письмо к Шестому Владыке в подтверждение ваших слов. Расскажите ему всё, что узнали. Возможно, он уже знает лекарство от этой напасти.

Мне совсем не хотелось соглашаться. Аэрокастер — колоссальный город. Настолько огромный, что его признали отдельным государством. Там живёт тьма народу, и если слова травницы правдивы, это место сейчас во власти эпидемии. Но, с другой стороны, именно там я, скорее всего, отыщу реликвию Севера. Почему-то я не сомневался, что моя цель именно там. Немного поколебавшись, я всё же дал согласие. Фелмор промолчал и спорить не стал, ведь, по сути, мы с самого начала держали путь в Аэрокастер. Яра была несказанно рада, что мы согласились выполнить её просьбу, и предложила нам отдохнуть ещё одну ночь, а наутро двинуться в дорогу.

Мне посчастливилось проспать в тепле и сухости ещё одну ночь, а утром мы уже стояли на крыльце, готовые продолжить путь. Хозяйка накормила нас завтраком, собрала припасов в дорогу и вручила мне стопку тёплой одежды.

— Зима на пороге, а ты одет слишком легко. Возьми это, пожалуйста.

— Прошу простить, но мне нечем заплатить вам, — я предпринял попытку отказаться.

— Считай это платой за то, что согласились выполнить мою просьбу, — мягко улыбнулась она. — Всё, что я могу дать тебе лишь поношенную одежду. Она принадлежала моему непутевому сыну, но раз уж он решил податься в разбойники, пусть теперь сам раздобудет себе новую.

Я от души поблагодарил её за доброту и, одевшись потеплее, попрощался. Мы с Хранителем вновь вышли на дорогу, ещё не ведая, какие испытания ждут нас впереди.

Глава 2

«Аэрокастер» означает «заклинатель ветра» — по крайней мере, так утверждает моя книга. По легенде, на месте этого города когда-то находилось поселение демонов, где обитал могущественный дух ветра по имени Ураган. Однажды невероятно сильный маг сумел подчинить его себе и использовал обрётённую мощь, чтобы истребить демонов и основать первое человеческое поселение в этих краях. С тех пор сюда стекались маги в поисках знаний, силы или убежища, и со временем крохотная деревушка разрослась в самый большой город мира. Он расположился меж двух гор, надёжно защищённый естественными преградами и высокими каменными стенами. Сильнейшие волшебники, обитающие здесь, провозгласили Аэрокастер отдельным государством, живущим по собственным законам и правилам. Несмотря на это, город находится на территории Великого Миддейна, а потому здесь куда более распространены мой родной язык, наша культура и обычаи.

И всё же этот город воистину уникален. Здесь нет единого правителя — все решения принимает совет Архимагов, которых в народе величают Владыками. Всего их шестеро, и каждый отвечает за свой район. Соответственно, на плечах каждого лежит колоссальная ответственность за всех магов, проживающих в его владениях. Они обязаны организовывать обучение и обеспечивать волшебников работой. Пожалуй, лишь Шестой Владыка выбивается из этого стройного ряда. Его район населён по большей части обычными людьми, не владеющими магическим даром, и потому он же отвечает за земли, прилегающие к Аэрокастеру.

Нам понадобилось ещё несколько дней пути, чтобы наконец узреть всё величие северной столицы своими глазами. Когда мы приблизились к этим исполинским, величественным стенам, я вдруг почувствовал себя бесконечно маленьким и беззащитным. А подойдя почти вплотную к главным воротам, я уже не мог разглядеть верхушки сторожевых башен, возвышающихся вдали, — их окончательно поглотили низкие облака. Фелмор легонько ткнул меня локтем в бок и проворчал, что мы пришли сюда не архитектурой любоваться. И правда — я так засмотрелся на это каменное величие, что не заметил стражника, который стоял прямо передо мной и что-то настойчиво спрашивал.

— Какова цель вашего визита? — поинтересовался он, придиричиво меня разглядывая.

— Мы путешественники, и нас попросили доставить письмо, — ответил я.

— Путешественники? — задумчиво протянул он. — Нечасто нам встречаются маги, отважившиеся так запросто разгуливать по миру. В этой стране волшебников недолюбливают, так что большинство из тех, кто прошёл обучение, до конца жизни остаются при храмах. Кстати, а у вас есть разрешение храма на перемещение?

Я потянулся к поясу, на котором висел небольшой кулон с лиловым кристаллом. Такие выдают в храмах магам, завершившим обучение и доказавшим, что они не опасны для общества. Обучения я, конечно, не проходил — свою силу я получил не при рождении, а от Фелмора, когда тот установил нашу связь, — но кристалл у меня всё же имелся. Его дал мне господин Ватари, друг моих родителей, который здорово помог мне в Сайденсе. Он предвидел, что такое разрешение мне ещё не раз пригодится, и сделал его специально. У Фелмора тоже было подобное — он нашёл его много лет назад в каком-то храме и решил прихватить как раз на такой случай. Стражников наши пропуска, судя по всему, вполне удовлетворили, и они уже готовы были нас пропустить, но перед этим сочли нужным разъяснить несколько правил:

— Вы должны знать, что Аэрокастер разделён на шесть районов. Сейчас вы попадёте в Шестой. Он населён преимущественно обычными людьми и открыт для посещения всем желающим. Поскольку вы маги, то имеете право прохода также в Пятый, Четвёртый и Третий районы.

— А что насчёт Первого и Второго? — поинтересовался я.

— Второй район сейчас закрыт, — пояснил стражник. — Вы наверняка слышали о странной эпидемии, что расплзается среди магов? Так вот, там сейчас карантинная зона. Если не хотите подхватить заразу, лучше туда не соваться. Что до Первого района — там живут в основном знатные и благородные маги. Навряд-ли у вас там появятся какие-то дела.

Я поблагодарил его за разъяснения, и мы с Фелмором шагнули за ворота. Я так надеялся увидеть в этом городе нечто невероятное: парящие в воздухе дома, диковинные растения, а может, и какие-нибудь поразительные магические устройства. Сердце замирало в предвкушении чуда. Но стоило нам оказаться внутри, как меня тут же накрыло волной разочарования. Всё здесь было словно в самом заурядном городе: дома, мостовые, деревья, кусты, и даже фонари выглядели совершенно обыкновенно. Я грустно вздохнул. На вопрос Фелмора, что стряслось, я уныло протянул:

— Я надеялся увидеть нечто более волшебное, а здесь всё точь-в-точь как в Сайденсе или Флаеморе.

Он рассмеялся, услышав о моих несбывшихся фантазиях:

— Только тебе в голову могло прийти что-то подобное, — произнёс он, продолжая тихо посмеиваться. — Всё это, может, и выглядело бы впечатляюще, но как же удобство? Согласись, было бы тяжело постоянно тратить уйму магии, только чтобы попасть к себе домой, который к тому же летает. Как вообще удержать громаду здания в воздухе и, главное, ради чего? Ты только подумай, сколько на это потребовалось бы энергии.

— Да-да, господин король-зануда, я уже понял, что ты имеешь в виду, — огрызнулся я, продолжая шагать вперёд. — Кстати, про летающие дома я вообще ничего не говорил. Ты что, научился читать мои мысли?

— А зачем мне их читать? У тебя и так всё на лице написано, — хмыкнул он. — Ты вообще на редкость открытый парень, и я часто без слов понимаю, о чём ты сейчас думаешь.

— Хочешь сказать, что я — сентиментальный простачок?

— Нет, — ответил Хранитель, подходя ближе. — Я считаю, что ты честный, упорный и терпеливый. Тебе просто нечего скрывать, и это очень подкупает.

Я довольно хмыкнул. Всё-таки нечасто можно услышать похвалу от Фелмора. Неужели он и вправду такого мнения обо мне? Жаль, что я не могу так же, просто взглянув на него, узнать, что творится у него в голове. Может, мне и в самом деле стоит научиться читать его мысли, чтобы хоть немного уравнивать наши шансы?

Ладно, об этом подумаю позже. Сейчас перед нами стояли куда более насущные задачи. Во-первых, нужно найти ночлег. Денег у меня, считай, совсем не осталось, так что придётся искать что-то максимально дешёвое. Надеюсь, в ближайшее время удастся раздобыть хоть какой-то заработок, иначе ночевать придётся прямо на улице. От одной этой мысли меня всего передёрнуло. Ночи стремительно холодали, так что под открытым небом я бы попросту замёрз насмерть. Во-вторых, у нас было поручение — доставить письмо Шестому Владыке, а значит, нужно выяснить, где его искать.

Я решил начать с ночлега: уже вечерело, и хотелось озаботиться крышей над головой заранее. Порасспросив местных, мы отыскали таверну почти на самой окраине района. Заведение было крохотным и насквозь пропахло кислым вином, дымом и пылью. За стойкой лениво протирал кружки хозяин, а меж грубо сколоченных столиков сновали разносчицы. Народу было немного — в основном работяги, зашедшие после смены посидеть с друзьями. Место, прямо скажем, паршивое, но у меня осталось слишком мало монет, чтобы воротить нос. Я спросил о свободных комнатах, и одна, на моё счастье, нашлась. Одна из девушек проводила меня на второй этаж и молча указала в сторону дальней двери. Когда я вошёл внутрь, то окончательно впал в уныние: это была самая настоящая конура. Ветхая кровать, скрипучий пол, множество щелей в стенах... И всё же лучше так, чем на морозе. Я выложил последние гроши,

оплатив эту берлогу на три дня вперёд. На первое время сойдёт, а как появятся деньги — сниму что-нибудь попримечнее.

Отлично, с первой проблемой разобрались. Теперь надо бы отнести письмо. Фелмор предложил отложить это дело до завтра, но мне не терпелось поскорее развязаться с поручением, чтобы завтрашний день целиком посвятить поискам работы. К тому же я втайне надеялся, что за доставку нам отсыплют хоть немного денег, и, может статься, их хватит на скромный ужин. В общем, решено было идти немедленно. Пока мы плутали по городу, выясняя дорогу, я заодно интересовался о местах возможных подработок, но местные отвечали на удивление неохотно. Интересно, многие ли из них прожили в этом городе всю жизнь, ни разу не покинув его пределов? Сдаётся мне, таких здесь хватает, и их настороженность к чужакам вполне объяснима. Хорошо хоть направление нам показали верно: спустя какое-то время мы вышли на центральную площадь, в сердце которой возвышался дворец — резиденция одного из шести Архимагов. Выглядел он на удивление заурядно — даже замок в Сайденсе смотрелся куда величественнее. Но я уже смирился с мыслью, что ничего особенного в этом городе, скорее всего, не увижу.

Мы приблизились к главному входу, который охраняли, судя по всему, боевые маги. Они не носили видимого оружия, но выглядели чрезвычайно внушительно. Я ещё издали ощутил волны мощной энергии, что от них исходили, — это были поистине сильные бойцы. И это ведь, по сути, простые рядовые солдаты! Какой же невообразимой силой должны обладать сами Архимаги? Я даже слегка воодушевился при мысли, что повстречаю столь уважаемого человека, но и этим мечтам суждено было разбиться в пух и прах. Стражи, охранявшие вход, заметили наше приближение и наотрез отказались нас впускать.

— Вид у вас какой-то подозрительный, — произнёс один из них, пристально оглядев сперва меня, а затем моего спутника. — Говорите, пришли доставить письмо? На курьеров вы не слишком-то похожи.

— Мы просто путешественники, — ответил Фелмор, явно недовольный тем, что нас не пропускают. — Так совпало, что мы держали путь в этот город, вот нас и попросили передать послание.

— Как бы то ни было, час уже поздний. Владыка сейчас не принимает. Можете оставить письмо у нас, мы передадим его при первой же возможности.

Выходит, мы зря тащились через весь город? Ну что за день — одно сплошное разочарование! Я тяжело вздохнул, протянул бумагу и как можно беззаботнее поинтересовался, будет ли нам какая-то плата за доставку. Стражники лишь посмеялись и ответили, что, когда Владыка увидит письмо, он непременно лично наградит нас за труды. Естественно, это был сарказм, а значит, сегодня я снова лягу спать голодным. Очередное, и, надеюсь, последнее на сегодня фиаско. Я развернулся и молча зашагал прочь. С каждым шагом гнев внутри меня закипал всё сильнее. В последнее время всё идёт наперекосяк, и мне страшно даже представить, чем ещё удивит эта жизнь. Фелмор едва поспевал следом, пытаясь разрядить обстановку, но я не слушал его, угрюмо бредя обратно в тот грязный, старый сарай, который кто-то по недоразумению именовал таверной. Добравшись до каморки, я рухнул на кровать, что держалась на честном слове и, судя по жалобному скрипу, грозила вот-вот развалиться. «Это ведь лучше, чем на мёрзлой земле, правда?» — уговаривал я сам себя, хотя на душе скребли кошки. Ветер завывал, продувая все мыслимые и немыслимые щели, кровать нещадно скрипела, а в животе неприятно урчало, и всё это вместе взятое начинало неимоверно бесить. Фелмор решил, что сейчас меня лучше не трогать, и, едва убедившись, что я добрался до постели, поспешил удалиться. Он на удивление тонко чувствует, когда меня нужно оставить в покое, а когда — дать выговориться. Сейчас мне просто хотелось ненадолго исчезнуть из этого мира, отстраниться от всех проблем, что тяжким грузом давили на плечи.

Вслушиваясь в завывания ветра, я и сам не заметил, как начал проваливаться в сон. Мне привиделось нечто странное, до жути реальное. Я шёл по улицам Флаемора, моего родного города. Стояло лето, и весь город утопал в буйной, цветущей зелени. Рядом со мной по этому изумрудному морю прогуливалась девушка. Я никак не мог разглядеть её лица, но отчего-то был уверен, что это Иви. Как странно было видеть её здесь — она ведь никогда не бывала в столице. Я хотел спросить, как мы сюда попали, но она внезапно остановилась, и сама что-то заговорила. Как я ни вслушивался, не мог разобрать ни слова, но по встревоженному тону ясно было — она говорит нечто важное. Вдруг она испуганно вскрикнула и указала куда-то вверх. Обернувшись, я не увидел ничего, кроме слепящего солнца на голубом небосводе. А когда снова повернулся к ней, Иви уже исчезла. Исчезло всё: не осталось ни единой живой души, лишь деревья, кусты и клумбы, которых, казалось, стало в десятки раз больше. Я опрометью бросился вперёд, надеясь отыскать возлюбленную, но сколько бы ни бежал, куда бы ни сворачивал — неизменно возвращался на то же самое место. Попытавшись закричать, я с ужасом понял, что не могу издать ни звука. И в этот миг по земле скользнула странная, зловещая тень. Я снова взглянул наверх — солнце медленно скрывалось за чьей-то чудовищной тенью. Всё вокруг погрузилось в непроглядный мрак: цветущие клумбы в мгновение ока иссохли, с деревьев чёрным дождём осыпалась листва, и мир стал ледяным и безжизненным. Я пытался идти в полной темноте, но каждый шаг давался с невероятным трудом. Куда мне идти? Хоть бы крохотный проблеск света, хоть какой-нибудь звук! Когда силы были уже на исходе, вдалеке послышался чей-то голос. Как же тяжело было переставлять ноги, но я упрямо шёл на звук, а когда идти уже не мог — беспомощно пополз. Казалось, вся тяжесть мира обрушилась на меня с одной лишь целью — не дать дойти до конца. И вот, когда впереди уже начал проступать смутный силуэт зовущего, земля подо мной просто осыпалась. Не в силах двинуться быстрее, я осознал, что лечу в бездну. Крик, звавший меня, звучал всё громче, но я уже ничего не мог поделать — лишь падал и падал в бесконечную чёрную яму.

— Эйнджел, проснись! — голос Фелмора вырвал меня из цепких лап кошмара. Он настойчиво тряс меня за плечо.

Я вскрикнул и резко сел на кровати, ещё не до конца осознавая, где явь, а где сон. Оглядевшись, я увидел взволнованное лицо друга.

— Ты что-то бормотал, а потом начал кричать. Я подумал, кошмар приснился, и решил разбудить, — пояснил он, присаживаясь на край скрипучей кровати. — Всё в порядке?

Я лишь молча кивнул, всё ещё пытаюсь прийти в себя. До чего же реальным было это видение! Понадобилось какое-то время, чтобы дыхание выровнялось и сердце перестало колотиться как бешеное.

— Спасибо, что разбудил, — выдохнул я наконец. — Я там чуть не умер.

— Понимаю, — протянул Хранитель. — Знаешь, меня самого в детстве часто мучили кошмары. Снилось, что в комнату врываются жуткие демоны, ожившие мертвецы, огромные пауки и прочая нечисть. Обычно они хватали меня и тащили в своё логово, а там... съедали. Я просыпался в слезах почти каждую ночь. Либо бежал в покои матушки, чтобы она обняла, и страх отступал, либо просто сидел на кровати и молился до самого рассвета, пока в комнате не становилось светло.

— Моя матушка говорила, что сны просто так не снятся, — усмехнулся я, растирая лицо руками, чтобы хоть немного взбодриться. — Ты боялся всякой нечисти?

— Скорее боялся, что меня снова похитят, — задумчиво произнёс Фелмор и как-то разом поник.

Мне потребовалась пара секунд, чтобы осмыслить услышанное, а затем я удивлённо воскликнул:

— Снова? Тебя похищали в детстве?!

— Да, было дело, — всё так же задумчиво ответил он. — Я этого, конечно, не помню — мне тогда и двух лет не было. О том, что случилось, знаю лишь со слов родителей... ну и благодаря этим кошмарам. Пускай я был совсем крохой, но, наверное, всё понимал на каком-то подсознательном уровне, оттого и снилась всякая жуть. Боялся, что кто-то снова заберёт меня из родного дома.

— Прости, я и не знал, что тебе довелось пережить такое, — тихо сказал я, поднимаясь с кровати. — Но раз уж ты здесь, полагаю, твой отец сумел тебя вернуть?

— Вообще-то вернул меня не он, а его хороший друг. Но в целом да — всё, можно сказать, разрешилось без потерь, — ответил Фелмор, тоже вставая.

Я благодарно улыбнулся ему и ещё раз сказал спасибо за помощь. Чем больше я узнавал о прошлом Хранителя, тем лучше начинал его понимать. А сегодня он доверил мне, кажется, нечто по-настоящему важное.

За окном стояла глухая ночь, на улице царил крошечный мрак, а холодный, пронизывающий ветер пробирал до самых костей. В памяти снова всплыли картины из сна, и я невольно поёжился. Сны и вправду не снятся просто так. Почему же мне привиделся этот кошмар? Скорее всего, от усталости, голода и скверного настроения. Надо бы немного развеяться: как только появятся деньги — наемся до отвала и прогуляюсь по городу. К тому же мы ищем информацию о другом избранном. Конечно, маловероятно, что я наткнулся на него вот так, случайно, но Фелмор свято верит, что судьба сама сведёт нас вместе — так же, как когда-то свела его со мной. Мой спутник вообще фаталист до мозга костей, но я его точку зрения не разделяю. Пока что всё, что со мной происходило, было следствием моей собственной воли. Даже решение потратить последние гроши на этот убогий сарай я принял сам. Да, сейчас дела идут не блестяще, но я обязательно со всем справлюсь.

Мои размышления прервал настойчивый стук в дверь. Мы с Фелмором недоумённо переглянулись; он лишь пожал плечами. Я подошёл и медленно, с опаской отворил дверь, ожидая увидеть хозяина таверны или просто заплутавшего постояльца. Но, к моему изумлению, на пороге стояли четверо стражников в таком же одеянии, что и давешние охранники дворца. Один из них без тени приветствия шагнул внутрь и сухо спросил:

— Это вы приходили доставить письмо Архимагу?

— Да, мы, — растерянно подтвердил я, невольно пятясь.

— Вам придётся пройти с нами. Прошу не оказывать сопротивления.

После этих слов остальные стражники тоже вошли, медленно обступая меня, будто готовились схватить в любой момент. Странное, до боли знакомое чувство дежавю. По-моему, я уже бывал в подобной ситуации, и закончилась она тогда отнюдь не хорошо. Я машинально поднял руки, показывая, что не собираюсь сопротивляться, хотя внутренне весь подобрался. Фелмор молча встал плечом к плечу со мной, и под этим конвоем мы вышли из таверны.

Едва я переступил порог, в лицо ударил ледяной порыв ветра, заставив зажмуриться и отвернуться. Мы шли в гнетущей тишине по пустынным улицам, освещённым лишь тусклым светом из редких окон да парой масляных фонарей. Было очень холодно и жутко темно, и я снова начал прокручивать в голове недавний кошмар. На душе стало предательски тревожно: казалось, я снова окунулся в этот ужас с головой, только теперь меня никто не разбудит. Мы всё шли, не задавая вопросов, и вскоре вышли к знакомой центральной площади. Они что, ведут нас напрямик во дворец? Если я правильно понял, причина в принесённом нами письме. Но стражник ведь сказал, что Владыка уже никого не принимает. Выходит, он нам солгал? Я выругался про себя и мысленно придумал всё, что сделал бы с этими двумя привратниками. Ладно, допустим, они говорили правду, и Владыка действительно никого не принимал. Тогда получается, что они передали письмо, и в нём было нечто, заставившее его сильно обеспокоиться? Очень надеюсь, что та травница не написала ничего лишнего, потому что я совершенно не желал снова оказаться за решёткой. А вдруг она рассказала, что мы помогли бандитам, у

которых скрывался беглый маг? Если мне не изменяет память, её вообще-то изгнали из Аэрокастера. Неужели нас теперь тоже изгонят или, чего доброго, бросят в темницу? Тревога закручивала клубок мрачных мыслей всё туже и туже, и к тому моменту, как мы подошли ко дворцу, я в своей голове уже мысленно похоронил и себя, и Фелмора.

Оказавшись внутри, я сразу почувствовал, как здесь тепло. Оказывается, я уже давно дрожал, хоть и не мог понять, от чего больше: от ледяного ветра или от страха. Через минуту стало ясно — всё-таки от холода. Мы стояли посреди огромного зала, на стенах которого тускло мерцали свечи. Ну хоть здесь-то можно было придумать магическое освещение! Я вспомнил, как волшебны выглядели светящиеся сферы в подземном древнем городе под Сайденсом. Уверен, здесь они смотрелись бы не менее эффектно. Впрочем, сейчас не время об этом размышлять. Куда важнее — зачем нас сюда привели? Я снова бросил взгляд на Фелмора, но он лишь безмолвно пожал плечами и тоже начал осматриваться. Стражники, сопровождавшие нас, застыли в ожидании. Простояв так несколько томительных минут, я уже хотел было сам потребовать объяснений, как вдруг заметил, что свет свечей неувидимо сменился с тёплого жёлтого на холодный синий. Тотчас один из конвоиров жестом приказал следовать за ним, и мы двинулись к широкой лестнице. Выходит, свечи всё-таки были волшебными? Ну наконец-то, хоть какое-то доказательство того, что я нахожусь в легендарном городе магов! Мы долго поднимались вверх, а когда лестница закончилась, прошли по полутёмному коридору к массивной, окованной металлом двери. Стражник, шедший впереди, распахнул её и жестом показал, что мы можем войти. Я на мгновение заколебался, но Фелмор легонько подтолкнул меня в спину, и я перешагнул порог. Как только мы оба оказались внутри, стражник захлопнул за нами тяжёлую дверь, и мы остались одни.

Глава 3

Поначалу мне показалось, что в комнате никого нет. Я с любопытством разглядывал обстановку, как вдруг заметил в дальнем конце, у огромного стрельчатого окна, массивный стол. За ним сидела девушка — точнее, почти девочка, на вид лет четырнадцати, — и сосредоточенно вчитывалась в какой-то пергамент. Даже в тусклом освещении было заметно, насколько богато расшита её одежда. «Может, дочь Архимага? — мелькнула мысль. — Но где же тогда он сам?» Я снова обвёл глазами зал, но больше никого не увидел. В этот миг девчушка заметила нас, проворно вскочила со своего места и поспешила навстречу. Она была совсем миниатюрной, со светлыми волосами до плеч, и, казалось, буквально утопала в своей необъятной, усыпанной драгоценными узорами мантии. Подойдя, она очень внимательно, даже придирчиво, осмотрела сначала меня, потом Фелмора, причём ему досталось куда больше пристального внимания. Хорошо, что моего спутника вообще сложно чем-либо смутить, — я бы под таким сканирующим взглядом уже давно стоял пунцовый как рак. Закончив осмотр, она вдруг лучезарно улыбнулась и с плохо скрываемым интересом произнесла:

— Полагаю, вы и есть те самые путешественники, что доставили вот это письмо?

Она помахала перед нашим носом тем самым пергаментом, который только что читала, и, не дождавшись ответа, продолжила:

— Просто замечательно, что моим людям удалось вас отыскать! Предлагаю присесть, чтобы мы могли спокойно побеседовать.

Небрежным жестом она велела следовать за ней и направилась к большому синему дивану, стоявшему у стены. Там она указала нам на сам диван, а сама с размаху плюхнулась в кресло напротив. Она восседала в нём, едва доставая носками туфелек до пола, отчего казалась ещё более крохотной. Выглядело это до того комично, что я невольно хмыкнул, но, кажется, она не заметила. Едва мы устроились, она тут же хлопнула в ладоши, прошептала короткое заклинание, и свечи вокруг на мгновение вспыхнули алым. Так вот почему свет внизу изменился! Значит, это она им управляет и, судя по всему, подаёт таким образом сигналы прислуге. Интересно, что означает этот? Может, зовёт отца, чтобы он с нами поговорил?

Мы просидели в молчании несколько минут, пока дверь не отворилась и в комнату не всплыла служанка с внушительным подносом в руках. Я снова усмехнулся про себя: эта девчонка всего-навсего велела принести угощение. Когда служанка водрузила поднос на столик, у меня внутри всё мучительно сжалось: там высилась целая гора пирожных, засахаренных фруктов и орехов. При виде этого великолепия мой желудок издал жалобную, протяжную трель, красноречиво намекая, что неплохо было бы хоть немного перекусить. Девочка, похоже, уловила мою реакцию — она снова хлопнула в ладоши, звонко расхохоталась и заявила:

— Так и знала, что вы голодны. Можете есть сколько захотите. Только, прошу вас, попутно отвечайте на мои вопросы, чтобы я могла побыстрее вас отпустить.

Дважды меня просить не пришлось. Едва она закончила, я тут же начал сгребать всё, до чего дотягивались руки, и с жадностью набивать рот. Фелмор попытался было меня урезонить, но мне было уже решительно всё равно. Даже если всё здесь отравлено, я наемся до отвала: по крайней мере, умру сытым и довольным! Девчонка тоже не теряла времени и, схватив пирожное, начала разговор:

— Между прочим, вы так и не сказали, как вас зовут.

— Между прочим, ты тоже не представилась, — парировал я, не отвлекаясь от трапезы. Она недовольно хмыкнула и фыркнула:

— Как грубо! Я, вообще-то, первая спросила. Но раз уж ты настаиваешь, так уж и быть. Позвольте представиться: Лайнелла Аэрокастер, Шестой Архимаг и, между прочим, прямой потомок самой Лайнеллы Аэрокастер, основавшей этот город!

Я поперхнулся от неожиданности и закашлялся так, что из глаз брызнули слёзы. Девчонка смотрела на меня с нескрываемым торжеством — похоже, именно такой реакции она и добивалась. Прокашлявшись, я просипел с изрядной долей скепсиса:

— Ты — Архимаг? Не может быть! Ты же совсем ещё дитя!

Она возмущённо фыркнула, в один миг вскочила с ногами на кресло и громогласно выпалила:

— Я не ребёнок! Мне уже совсем скоро пятнадцать! Как ты смеешь так разговаривать с Шестым Владыкой?! Пожалуй, мне стоит проучить тебя прямо сейчас!

С этими словами она направила ладонь в мою сторону и что-то прошептала. В тот же миг у меня потемнело в глазах, а голову пронзила острая, пульсирующая боль. Я вскрикнул — сперва от неожиданности, затем от боли — и сжался в комок, обхватив голову руками. Фелмор мгновенно оценил угрозу, вскочил с места и торопливо, но учтиво выпалил:

— Прошу вас, госпожа Лайнелла, пощадите моего друга! Он частенько сначала говорит, а уж потом думает. Он вовсе не хотел вас оскорбить, клянусь! Он просто восхищён тем, насколько вы, должно быть, талантливы, раз сумели занять столь высокий пост в столь юном возрасте!

Боль тут же отступила, и пелена перед глазами рассеялась. Лайнелла снова сидела в кресле, надув губки, и метала в меня испепеляющие взгляды. Увидев, что я пришёл в себя, она проворчала:

— Скажи спасибо своему другу, что уговорил меня остановиться. Лично я собиралась внушить тебе, что ты — кот, и посмотреть, как ты будешь гоняться за мячиками вместе с моей любимицей.

— Безмерно благодарен, что вы всё же решили сдержаться, — выдавил я, стараясь не встречаться с ней глазами.

Да уж, злить эту девчонку себе дороже. Похоже, она не шутит, а значит, перспектива превратиться в кота — далеко не самое страшное, что могло меня ожидать. Я тяжело вздохнул и произнёс:

— Меня зовут Эйнджел Найт, а это мой друг Фелмор. Мы путешествуем по миру и уже успели пересечь весь Великий Миддейн.

— Эйнджел — замечательное имя для котика, — мечтательно протянула Лайнелла, и по её лицу расплылась довольная улыбка. — Но давайте оставим разногласия в прошлом и перейдём к делу. Я получила ваше письмо. И если всё, что там написано, — правда, у вас большие проблемы.

— Если ты про то, что мы помогали беглому магу, то имей в виду — мы ничем не смогли ей помочь, и она всё равно умерла, — выпалил Фелмор, перебив её.

Я метнул на него укоризненный взгляд, испугавшись, что он сболтнул лишнего и сейчас снова разозлит эту малолетнюю фурию. Но она, напротив, ещё шире растянула губы в улыбке и спокойно продолжила:

— Всё, что происходит за пределами городских стен, регулируется законами Великого Миддейна. Насколько мне известно, там нет запрета на помощь больным беглым магам. Если бы вы сделали то же самое здесь, я бы лично распорядилась казнить вас обоих. В этом городе нет преступления страшнее, чем преступление против магии, а отказ от обучения, если ты родился с даром, является именно таковым. Соответственно, все беглые маги и их пособники считаются предателями и должны лишиться жизни. Но опять же — за пределами этих стен вы вольны делать что пожелаете.

Я облегчённо выдохнул. Кажется, самое страшное осталось позади. Но если всё действительно в порядке, то с какой стати мы сейчас здесь сидим?

— Тогда зачем ты нас позвала? — спросил я, дождавшись, пока девочка прожует очередную сладость.

— Мне ужасно не нравится, как фамильярно ты со мной разговариваешь, Эйнджел, — возмутилась она. — Но так уж и быть, я прошу тебе эту дерзость в обмен на одну услугу.

— Мы слушаем, — подобрался Фелмор, чуть подавшись вперёд.

— Если всё, что написано в письме, — правда, значит, вы напрямую столкнулись с той болезнью, что сейчас свирепствует в Аэрокастере. Всё началось примерно полгода назад. Жители стали жаловаться на упадок сил и на то, что мана перестала восстанавливаться как прежде. Не помогало ничего: ни зелья, ни заклинания, ни даже молитвы. В конце концов почти все заболевшие умирали от полного магического истощения.

— Почти все? — с надеждой переспросил я. — Выходит, были и те, кто вылечился?

— Нет, — покачала она головой. — На сегодняшний день нет ни одного исцелившегося. Однако есть малая часть людей, которые выжили, несмотря на практически полное отсутствие маны. Только вот они с тех пор так ни разу и не пришли в себя.

Она тяжело вздохнула, помедлила немного и продолжила уже дрогнувшим голосом:

— Моя мама — одна из них. Несколько месяцев назад она решила передать мне пост Шестого Архимага, и совет утвердил её прошение. Я была так счастлива — не каждому дано в четырнадцать лет стать правителем. А потом началась вспышка этой проклятой болезни, и мама оказалась одной из первых, кто заразился. Три месяца она боролась, а в один день просто не встала с кровати. Она так и не проснулась, и я боюсь, что уже никогда не смогу её разбудить.

В глазах Лайнеллы блеснули слёзы, но она торопливо смахнула их длинным рукавом мантии и, сменив тон на сухой и деловой, заговорила снова:

— Вы контактировали с заболевшей волшебницей, но, насколько я могу судить, с вами обоими всё в порядке. Прошло уже достаточно времени, и если первые симптомы до сих пор не проявились, значит, вы устойчивы к этой заразе.

— Выходит, ты тоже устойчива? — уточнил я.

— Да, как и многие маги в городе, которых болезнь почему-то обошла стороной. Только вот далеко не каждый способен выполнить мою просьбу и при этом не поднять лишнего шума.

— Так чего же ты хочешь? — спросил я прямо, уже догадываясь, к чему она клонит.

— Прошу вас, помогите мне выяснить, что это за хворь! — воскликнула она, вскочив с кресла. — Поймите, для такого расследования мне нужны люди со стороны. Боюсь, я не могу положиться почти ни на кого из местных. Если хоть одна живая душа донесёт Архимагам, что я веду собственное расследование, это грозит вылиться в грандиозный скандал. А вы здесь чужие, действовать будете непредвзято и, как я уже сказала, можете не опасаться за свои жизни. Имейте в виду: если поможете мне, я щедро вас награжу!

В общем-то, я подозревал, что именно к этому всё и шло, и, честно говоря, был готов согласиться. Я просто не могу пройти мимо, когда кто-то просит о помощи, тем более девушка. А эта вспыльчивая девчонка чем-то неувовимо напомнила мне Иви, отчего желание помочь лишь усилилось. Мы с Фелмором переглянулись, и по одному его кислому взгляду я понял: он не одобряет моего решения, но и спорить не станет.

— Предположим, мы согласны, — осторожно начал я. — Но имей в виду: мы кое-кого ищем, и впоследствии ты поможешь нам найти этого человека.

Она закивала с такой готовностью, словно была согласна на всё. Похоже, мы снова по уши ввязываемся в очередную историю. Фелмор наверняка скажет что-нибудь вроде: «Так уж судьба распорядилась, разве можем мы ей противиться?»

— Позволь тогда задать тебе пару вопросов, — включился в беседу Фелмор. — Можешь предположить, откуда нам стоит начать поиски?

— Полагаю, первые заражения произошли где-то в черте города, — задумчиво ответила она, вертя в руках румяное яблоко. — Трудно сказать точнее, но, вероятнее всего, очаг находится в тех районах, где живут исключительно маги.

— Каковы симптомы? — продолжил допрос Хранитель.

— Один из первых — повышенная утомляемость и беспричинный, иррациональный страх. Не знаю, доводилось ли вам испытывать почти полное магическое истощение, но ощущения примерно такие же.

Я понимающе кивнул. К сожалению, а может, в данном случае и к счастью, мне несколько раз довелось побывать в подобном состоянии, и ощущения действительно пренеприятнейшие.

— Хорошо, а что происходит потом? — спросил я, беря с подноса очередное пирожное.

— Дальше ты теряешь способность концентрироваться и контролировать магию. Это сродни деградации: вспомни, каково тебе было, когда ты только ступил на путь мага. Направить даже слабый поток маны невероятно сложно, на простейшие заклинания уходят титанические усилия.

Я снова кивнул, соглашаясь с её словами. Я сам обрёл магию относительно недавно и ещё многому должен научиться, но по крайней мере простые заклинания даются мне уже хорошо, не в пример самому началу.

— А после этого мана начинает неумолимо угасать, пока не исчезнет совсем, и человек умирает? — закончил я за неё, глядя на Лайнеллу.

Она кивнула, отправляя в рот очередное пирожное, и развела руками.

— На данный момент это всё, что мне известно.

Не густо, конечно, но это лучше, чем ничего. Мы ещё немного порасспрашивали её о городе, а затем я решил задать ещё один насущный вопрос:

— Ты не знаешь, где в этом городе можно найти работу?

Она нахмурилась и, снова надув губы, проворчала:

— Я же только что дала тебе работу!

— Ты сначала дослушай, а потом возмущайся, — осадил я её с лёгким укором. — У нас сейчас совсем нет денег. Раз уж мы согласились тебе помочь, значит, придётся задержаться в городе. Нужно где-то заработать хотя бы на еду и ночлег, а заодно разузнать, что здесь происходит. Уж поверь мне: ничто так не сближает людей, как совместный труд. Если мы вольёмся в коллектив и войдём в доверие к местным, шансов на успех будет куда больше.

Она дослушала, не перебивая, и согласно кивнула.

— Тебе прямая дорога в Пятый район. Там сейчас идут работы по реконструкции крупного храма. Обычным людям вход туда заказан, а маги сами по себе не жалуют тяжёлый физический труд, вот стройка и буксует. Думаю, там тебе точно найдут дело — ты выглядишь сильным и крепким, сразу видно, привык к нагрузкам. — Затем она перевела взгляд на моего спутника и довольно улыбнулась. — А вот Фелмору я бы посоветовала отправиться в Первый район. Он выглядит как человек благородных кровей и, скорее всего, легко найдёт общий язык со всеми этими напыщенными колдунами. Заодно и расспросит их о болезни.

Ничего себе расклад! Выходит, я должен идти вкалывать до седьмого пота, а Фелмор будет просто прогуливаться по гостиным и болтать с аристократами? Я с надеждой уставился на спутника, но тот, судя по всему, был более чем доволен таким распределением ролей. Ах да, я иногда забываю, что когда-то он носил корону, и тяжёлый физический труд считает чем-то ниже своего достоинства. К тому же деньги, по сути, нужны только мне, так что и горбатиться, выходит, мне одному.

Я поблагодарил юную Владыку за гостеприимство и уточнил, можем ли мы идти. Она попросила подождать ещё минуту, снова хлопнула в ладоши, и свечи опять на мгновение сменили цвет. Тотчас вернулась служанка, и Лайнелла, подозревая её поближе, что-то тихо шепнула ей на ухо. Женщина кивнула и торопливо удалилась, а девчонка, задорно улыбаясь, вновь обратилась к нам:

— Так уж и быть, раз вы на мели, я оплачу вам комнату на приличном постоялом дворе. Но только на время расследования! Мне так даже проще: в случае чего я всегда буду знать, где вас отыскать.

Она подозвала тех же стражников, что привели нас во дворец, и велела проводить до места. Мы распрощались и направились к выходу. Чует моё сердце, завтрашний день будет богат на события.

Глава 4

Комната, которую сняла для нас Лайнелла, оказалась на порядок лучше того убожества, где мы коротали предыдущую ночь. Здесь было тепло, чисто и на удивление просторно. Мы только успели перешагнуть порог, как меня накрыла волна усталости. Неудивительно — полноты мы провели на аудиенции у Архимага, так что теперь стоило урвать хоть немного отдыха, пока есть возможность. Стоило мне прилечь и смежить веки, как время словно исчезло. Казалось, прошло всего несколько мгновений, но вот кто-то уже настойчиво трясёт меня за плечо.

— Вставай, соня! — ворчал Фелмор. — Ты проспишь всё на свете.

Я с трудом разлепил глаза. За окном вовсю разливался серый утренний свет, а это значило, что на самом деле минуло не меньше нескольких часов. Не скажу, что я чувствовал себя полностью выспавшимся, но отдохнувшим — определённо. Хранитель где-то уже успел добыть немного еды, и, пока я торопливо завтракал, коротко обрисовал наш план действий:

— Сейчас доедаешь и мчишься в Пятый район. Я уточнил информацию — говорят, из-за эпидемии там катастрофически не хватает рабочих рук, всё как сказала эта девчонка. Скорее всего, тебя возьмут без лишних вопросов. Дальше действуешь по своему же плану: находишь кого-нибудь болтливого и выуживаешь всё, что он знает. Я же пройду по Первому району, попробую выяснить, какова сейчас общая ситуация в городе. Если повезёт, сумею что-нибудь разузнать и о нашем избранном. Вечером встречаемся здесь и делимся всем, что удалось накопать.

Я кивнул и, закинув в рот последний кусок хлеба, направился к выходу, прихватив по дороге меч. Конечно, в городе магов своим железом я вряд ли кого-то напугаю, но с оружием на поясе мне куда спокойнее.

Идти пришлось долго, по меньшей мере несколько часов. Всё-таки не зря Аэрокастер считается самым большим городом в мире. Он, наверное, раз в десять превосходит размерами Фламор, и каждый его район — как отдельный крупный город. До нужного места я добрался только ближе к полудню и, увидев окрестности, сразу же обрадовался. В этом районе росло множество причудливых деревьев, уже сбросивших листву. Я был уверен, что летом здесь всё утопает в зелени и выглядит просто потрясающе, и очень надеялся, что мне ещё удастся побывать тут в тёплое время года. Улицы украшали статуи диковинных магических существ, и некоторые из них, казалось, едва уловимо шевелились. Фонари здесь были куда более волшебными: длинные, с круглыми навершиями, похожими на леденцы на палочке. Я живо представил, как завораживающе они, должно быть, смотрятся в ночной темноте. Да, летающих домов я пока не встретил, но Фелмор прав — это было бы чудовищно непрактично.

Продвигаясь вглубь района, я вскоре заметил громаду огромного храма, вокруг которого высились строительные леса. Кажется, мне нужно именно туда. Подойдя ближе, я увидел снующих туда-сюда людей с мешками, лопатами и прочим инструментом. Осмотревшись, я приметил одного человека, который ничего не таскал, а лишь прохаживался и следил за ходом работ — судя по всему, местный управляющий. Я подошёл к нему, представился и сказал, что ищу работу. Он одобрительно кивнул, огляделся по сторонам и, заметив какого-то паренька, окликнул его и жестом велел подойти.

— Ральф, это Эйнджел, — сказал главный, когда юноша приблизился. — Он недавно в городе, хочет немного заработать. Ты говорил, тебе нужны помощники, так что забирай новичка и вперёд.

С этими словами он оставил нас вдвоём и ушёл проверять что-то ещё. Ральф окинул меня оценивающим взглядом, широко улыбнулся и протянул руку:

— Рад знакомству. Эйнджел, верно? Постараюсь запомнить. Я Ральф, моя бригада занимается восстановлением окон и витражей.

Я крепко пожал ему руку, и мы направились к лесам. Решив не терять времени, я принялся понемногу расспрашивать парня обо всякой всячине, надеясь разговорить. Он охотно пояснил, что сейчас в его бригаде катастрофически не хватает людей: со мной будет всего трое. Это означало, что работы предстоит непочатый край и расслабляться некогда. Когда мы подошли к лестнице, прикреплённой к строительным лесам, он кивком указал наверх и добавил:

— Мы сейчас возимся с большим витражом почти под самой крышей. Сначала нужно вырезать стёкла нужного размера, подогнать их и закрепить, а таскать всё это снизу — та ещё морока. Мои ребята уже наверху, должны заниматься обрезкой. Так что давай, забирайся.

Я должен был предвидеть нечто подобное. Надо было отказаться от этой затеи сразу, едва Лайнелла предложила мне идти на стройку. На таких работах то и дело приходится карабкаться по шатким лесам на головокружительной высоте. А я до ужаса боюсь высоты! Для меня это грозило обернуться самой настоящей пыткой. Однако отступать было поздно. Я тяжело вздохнул, мысленно собрался с духом и полез наверх. Чем выше я взбирался, тем отчаяннее колотилось сердце. Ральф карабкался следом как ни в чём не бывало. Когда мы добрались почти до самого верха, я уже не помнил себя от ужаса. На крышу я вскарабкивался едва ли не на четвереньках. Ральф заметил мои мучения и, пристально посмотрев на меня, спросил:

— Эйнджел, что-то не так? Ты белый как мел.

Я лишь судорожно замотал головой, не в силах вымолвить ни слова. Тогда он вздохнул, подошёл ближе и, присев на самый край, тихо спросил:

— Ты высоты боишься, да?

Я даже не знал, чему удивляться больше: его проницательности или тому, что сам готов был разреветься от страха. Раз уж он и так всё понял, стоило признаться. Может, тогда он отпустит меня в какую-нибудь наземную бригаду?

— Честно говоря, да, — выдавил я предательски дрогнувшим голосом.

Он понимающе закивал и вдруг поднялся.

— Не дрейфь, я тоже когда-то до чёртиков боялся. Мой папаша научил меня одной хитрой штуке, после которой я теперь хоть на шпиль дворца залезу — и не страшно. Ты ведь маг, верно? Хотя о чём это я, простого человека в этот район и не пустили бы. Короче, я могу научить тебя заклинанию левитации. Если вдруг сорвёшься и полетишь вниз, прочитаешь его — падение замедлится, и ты плавно, как пёрышко, опустишься на землю.

Звучало заманчиво. Я вообще всегда рад расширить свой магический арсенал, особенно таким полезным заклятием. Я тут же согласился, и Ральф немедленно объяснил, какие слова нужно произнести и как правильно направлять энергию. Чтобы окончательно развеять мои сомнения, он сам прочитал заклинание и... сиганул с крыши. Я ахнул от неожиданности, а он просто завис в воздухе, покачался немного, а затем легко взлетел обратно, приземлившись на самый край. Я взирал на это с отвисшей челюстью, а он лишь рассмеялся, будто каждый день такие трюки вытворяет. Немного попрактиковавшись под его руководством, я почувствовал, что и у меня должно получиться. Я сообщил об этом Ральфу, и тот, одобрительно кивнув, вдруг хитро улыбнулся и тихо сказал:

— Раз выучил, значит, надо опробовать в деле, верно?

Я не сразу осознал, что он имеет в виду, и даже ответить ничего не успел, как он резко подскочил сзади и со всей дури толкнул меня к краю. В следующее мгновение я уже летел вниз, и из горла вырвался истошный крик ужаса. Пролетев половину пути, я на чистом инстинкте выкрикнул заклинание и выбросил перед собой руки. Воздух вокруг будто начал стремительно густеть, моё падение замедлялось, и у самой земли я почти остановился. Коснувшись ногами твёрдой поверхности, я развеял чары. Сердце колотилось где-то в горле, руки тряслись как в лихорадке. Вокруг уже собралась кучка зевак-рабочих, с интересом наблюдавших за моим «полётом». Через минуту примчался управляющий, разогнал толпу, спросил, всё ли в порядке, и, дождавшись моего утвердительного кивка, удалился по своим делам. Я ещё постоял немного,

пытаясь унять дрожь и прийти в себя, а затем снова поплёлся к лестнице. Ральф ждал меня на прежнем месте, широко и довольно улыбаясь. Я уже хотел было в ярости накинуться на него с кулаками, но он первым шагнул навстречу и сказал:

— Прости, что так напугал. Но это было необходимо. Только столкнувшись с реальной опасностью, ты способен показать, на что в действительности способен.

— А если бы я там разбился?! — взревел я.

— Но ты же не разбился! — он продолжал улыбаться. — Зато теперь у тебя выработался рефлекс: как падаешь — сразу вспоминаешь левитацию.

Я шумно выдохнул, пытаясь унять клокочущую внутри злость, и предложил уже наконец заняться делом. Ральф кивнул и бодро зашагал на другую сторону крыши. Там, задумчиво разглядывая цветные стёкла, сидели двое рабочих. Завидев нас, они поднялись. Один из них поинтересовался, где мы так долго пропадали, но Ральф лишь отмахнулся, сказав, что вводил новичка в курс дела. Парни скептически переглянулись и, нахмурившись, обратились ко мне:

— Эй, парень! Наш бедовый начальник и тебя заставил с крыши полетать?

Я молча кивнул, и они оба злобно зыркнули в сторону Ральфа. Тот вскинул руки в примитивном жесте, пробормотал что-то насчёт срочных дел и, недолго думая, спрыгнул с крыши, вновь воспарив в воздухе. Один из оставшихся рабочих подошёл ко мне и сочувственно положил руку на плечо.

— Он и с нами такую же шутку сыграл. Ты не держи зла, он на самом деле широкой души человек. Всегда готов выручить, на него можно смело положиться. Но вот с чувством юмора у него и впрямь беда. Ладно, давай покажу, что нужно делать.

Они быстро ввели меня в курс дела: показали рабочее место, объяснили, как резать стёкла и обтачивать острые края. Затем подвели к краю крыши, демонстрируя фронт работ — огромный, полупустой витраж. Я осторожно свесился, чтобы оглядеть его, а эти двое преспокойно парили в воздухе, будто родились с крыльями.

— Так это заклинание не только замедляет падение, но и позволяет взлетать? — удивился я.

— Конечно, — отозвался один. — Нужно просто влить чуть больше энергии и как бы оттолкнуться от самого воздуха. Хочешь попробовать?

Они поделились ещё парой хитростей, которые успели освоить, и под их чутким руководством мне удалось удержаться в воздухе несколько секунд. Этого вполне хватило, чтобы немного отлететь от крыши и осмотреть весь объём работ. Ребята, похоже, были удивлены тем, как быстро я всё схватываю, но я лишь улыбнулся в ответ. Скорее всего, дело было в силе реликвии, которую я получил ещё в Сайденсе. Её мощь оказалась настолько ошеломляющей, что я несколько дней привыкал к новому объёму маны, и даже самые простые заклинания выходили у меня на порядок сильнее обычного. Фелмор тогда и вовсе запретил мне колдовать, чтобы я ненароком себе не навредил. Как бы то ни было, сейчас я чувствовал себя значительно лучше, и левитация давалась мне на удивление легко, а это главное.

Мы вернулись к нашим цветным стёклам. Ральф был уже там и старательно вырезал очередной лепесток из большого красного пласта. Я тоже решил не терять времени и взялся обтачивать края уже готовых кусков. Работа спорилась, и я, как бы невзначай, спросил:

— Я слышал, у вас тут нехватка рабочих рук. Неужели так мало магов хотят работать на стройке?

— И не говори! — отозвался Ральф, тихо выругавшись сквозь зубы. — Им всем подавай службу у Владыки: чтобы одели, обули, накормили и поставили на ворота мух отгонять. Не спорю, есть и трудяги вроде нас, но сейчас куча народу слегла с этой непонятной заразой.

— Да, я что-то слышал об этом, — протянул я, разглядывая обточенный край. — Всё настолько плохо?

— Ещё спрашиваешь! — воскликнул он, мрачней. — Сейчас, почитай, четверть города болеет, а ещё столько же уже успело отправиться на тот свет. Взять хотя бы моего старика: как слёг месяц назад, так и лежит пластом. Мне уж кажется — не выкарабкается. Пока что ни один не выздоровел.

— И Архимаги совсем ничего не предпринимают? — я продолжал делать вид, что полностью поглощён работой.

— Может, и предпринимают, да не все. Взять ту же Шестую Владыку. Ты знал, что ей всего четырнадцать? На удивление пробивная девка. Она распорядилась закрыть Второй район и устроить там карантин. Надеется, что зараза не будет так распозаться. Только знаешь что? Как болели все, так и продолжают болеть.

— А Второй Владыка не против, что его область перекрыли?

Ральф бросил на меня короткий, полный укора взгляд, вздохнул и ответил:

— Нет у нас никакого Второго Владыки. Пропал без вести уже лет десять как. Поговаривают, совет Архимагов готовится избрать нового. Все думали, что место займёт Лайнелла-старшая — мать нашей Шестой, но она свалилась с этой же дрянью, так что теперь вряд ли встанет. Это вообще странно: среди сильных магов почти нет заболевших, а те немногие, кто подхватил, остались живы. Только вот спят они беспробудным сном, как заколдованные.

Интересное наблюдение. Выходит, болезнь выкашивает в основном простых магов, а высокородных почти не трогает. В случае же заражения обычные люди умирают, а знать лишь падает в глубокую кому. Может быть, это та самая зацепка? Я решил копнуть поглубже:

— Получается, никто из знати не погиб? — я взял очередной стеклянный лепесток. — Эта хворь что, целенаправленно щадит благородных?

— Сдаётся мне, наша драгоценная знать уже нашла лекарство от этой пакости, — процедил он, недовольно хмурясь. — Только вот делиться им они ни с кем не желают.

Дальше он пустился в долгую гневную тираду о том, как сильно власть развращает людей и что весь этот город держится на плечах таких вот работяг, как он, а потому и лекарства в первую очередь заслуживают именно они. Я сочувственно кивал, делая вид, что полностью разделяю его возмущение, а сам лихорадочно размышлял. Нужно выяснить, где зафиксировали первые случаи заражения, но как подвести разговор к этой теме, не вызвав подозрений?

Мои раздумья прервал внезапный вопрос Ральфа:

— А ты сам-то откуда будешь?

— Из Флаемора, — не моргнув глазом, ответил я, беря в руки новое стекло. — Мой отец — капитан стражи, а мать — целитель в храме. Как-то раз я возвращался домой и повстречал Фелмора. Он оказался странствующим мастером фехтования из далёких земель и согласился обучить меня своему искусству. С тех пор мы и путешествуем вместе.

Конечно, эта история была отчасти выдумана, но знать правду этому парню совершенно ни к чему. Он хмыкнул и, кивнув на мой меч, спросил:

— Поэтому ты с железкой таскаешься?

— Стараюсь в любую свободную минуту уделять время тренировкам, — с деланной гордостью ответил я.

— Не знаю, по мне, меч бесполезен, когда у тебя есть магия. Тратить время на фехтование — только силы зря распылять.

Я в ответ принялся рассказывать о своих «приключениях», и остальные работяги, слышав мою болтовню, подтянулись ближе. Они слушали с таким увлечением, что сами не заметили, как переделали почти все заготовки. Ральф остался доволен проделанной работой и командовал идти вставлять стёкла в витраж. Мы перетаскали их к краю крыши и по очереди принялись подавать стёкла бригадиру, который с ловкостью заправского акробата ставил их на нужные места. Я заметил, что и остальные рабочие вовсю использовали магию: кто-то, подобно Ральфу, левитировал, чтобы добраться до нужного уровня, кто-то с помощью телекинеза пере-

давал инструменты и материалы, а кто-то призывал потоки горячего воздуха, чтобы быстрее высушить краску на стенах. Всё это выглядело так заволаживающе, что я невольно залюбовался, забыв подать очередное стекло.

— Эйнджел, не спи! Шевелись! — прикрикнул на меня Ральф.

Я встrepенулся и бросился за новым лепестком, как вдруг меня всего передёрнуло. В груди начал сжиматься тугой комок необъяснимой тревоги, и одновременно с этим возникло острое, пронзительное чувство, что сейчас произойдёт нечто непоправимое. Обернувшись, я заметил огромную тень, медленно наползающую на город. Задрав голову к небу, я с ужасом увидел, как солнце почти наполовину скрылось за чёрным диском луны. В памяти мгновенно вспыхнул недавний кошмар, и я похолодел: я уже видел это затмение! Но как такое возможно? Может, я всё ещё сплю?

Я медленно, как в тумане, подошёл к самому краю крыши и увидел, как на лицах рабочих, глядящих вверх, застыло такое же изумление. От солнца оставался лишь узкий серп, и каждая клеточка моего существа кричала: как только исчезнет последний луч, случится беда. Спустя мгновение мир погрузился в зловещий сумрак, будто резко наступил глухой вечер. И в этот же миг раздался оглушительный грохот. Краем глаза я заметил, как все магические инструменты камнем рухнули вниз. Ральф, только что свободно паривший в воздухе, с жутким хрустом обрушился на леса, проломив их насквозь. Магия попросту исчезла! Прямо сейчас, вместе с солнцем!

Внезапно земля под ногами вздрогнула, и дрожь с каждой секундой становилась всё неистовее. Я стоял как вкопанный, не в силах пошевелиться от ужаса. Леса начали с оглушительным треском рушиться, черепица уходила из-под ног, срываясь вниз. Я потерял равновесие и кубарем покатился по скату крыши. У самого края, уже срываясь в пустоту, я судорожно прочитал заклинание левитации, вложив в него всю доступную мощь. Но оно почти не сработало — падение лишь на миг замедлилось, и я снова полетел вниз с прежней скоростью. По счастливой случайности, подо мной ещё оставался уцелевший фрагмент лесов. Я рухнул прямо на него, удар был чудовищной силы. В глазах помутилось, и последнее, что успела выхватить мысль, прежде чем сознание погасло: «Мой ночной кошмар только что случился наяву».

Глава 5

Какое же это мерзкое ощущение — боль во всём теле. Не то что двигаться, даже дышать было почти невозможно. Но, с другой стороны, если ты чувствуешь боль, значит, ты всё ещё жив? А если я сейчас размышляю об этом, то, наверное, смогу и глаза открыть! Я попытался, и — о чудо! — у меня получилось. Первое, что я увидел, было синее вечернее небо и раскачивающиеся на ветру голые ветви деревьев. На рай это точно не походило, а значит, пока поживу. Я попытался встать, но перед глазами тут же потемнело, и я со стоном рухнул обратно, обхватив голову руками. В тот же миг ко мне кто-то бросился и громогласно воскликнул:

— Эйнджел! Хвала Создателю, ты живой! Тебя, видно, мать в рубашке родила, даруй Создатель ей долгие годы жизни!

Я сразу узнал голос Ральфа и, вновь разлепив веки, посмотрел на него. Он склонился надо мной: голова перебинтована, лицо в синяках и ссадинах, руки сплошь покрыты царапинами и занозами. Я, с трудом шевеля языком, попытался указать куда-то в сторону храма и спросил:

— Что... случилось?

— Да, видать, крепко тебе досталось, раз ничего не помнишь. Началось полное затмение, да такое внезапное! Храни нас Создатель, затмение — это всегда не к добру. И в тот же миг у всех магия пропала! А потом как тряхнуло! Похоже, эпицентр землетрясения был прямо здесь, потому что толчки — страшнее не придумаешь. Никогда раньше в Аэрокастере землю не трясло! Создатель, помилуй, неужто конец света грядёт?

Я морщился от его громогласных причитаний — голова раскалывалась нещадно. Найдя в себе силы, я простонал, чтобы он говорил потише, и Ральф, спохватившись, перешёл на полусёпот:

— Мне-то ещё повезло: я прямо над лесами левитировал, когда всё случилось. Грохнулся на них, а как очухался, понял, что завален грудой досок. Орал что есть мочи, пока меня не откопали. А потом сразу кинулся вас, ребята, искать. Смотрю — из одной кучи рукоятка меча торчит. Сразу смекнул, что тебя тоже придавило, и давай разгребать весь этот хлам. Ты часа три лежал, вообще ни на что не реагировал. Я уж испугался, что всё, конец парню. Ан нет: вот ты, живёхонький! Ну как, встать сможешь?

Он помог мне приподняться и сесть, а через какое-то время — даже встать. Голова закружилась с такой силой, что меня тут же замутило. Ральф перепугался, решив, что я повредил себе что-то важное, и предложил немедленно позвать врача. Я замотал головой и попросил лишь об одном — помочь добраться до постоянного двора.

— Уже вечер, Фелмор, должно быть, заждался. Только боюсь, сам я не дойду.

— Не бойсь, надо будет — на своём горбу дотащу! — заявил он и громко, но уже не так весело, расхохотался.

Он оставил меня сидеть у дерева, а сам побежал предупредить главного, что со мной всё в порядке. Я огляделся и только сейчас в полной мере осознал масштаб катастрофы.

Неподалёку, под этим же деревом, лежала ещё одна группа раненых — не меньше дюжины человек. Кто-то до сих пор не пришёл в себя, кто-то тихо стонал от боли. Все строительные леса вокруг храма превратились в хаотичное нагромождение обломков, и, судя по тому, как суетились вокруг люди, под завалами ещё оставались живые. Я заметил тех двоих рабочих, с которыми трудился на крыше, — они тоже разбирали завалы. Похоже, они не пострадали, и от этого на душе стало чуточку легче. Они увидели Ральфа и подошли к нему. Тот что-то сказал, указал в мою сторону, и парни, кивнув, вернулись к работе. Вскоре Ральф снова был рядом. Он помог мне подняться и, практически взвалив на себя, потащил в сторону города.

Идти было тяжело, дышать — тоже, а каждое движение отдавалось тупой болью в висках. Дорога обратно казалась бесконечной. Ральф пытался меня подбодрить, но по его срывающемуся голосу я понимал: он скорее успокаивает самого себя. Этот парень — очень хороший человек, и такие трагедии явно случаются с ним нечасто. Он и сам до сих пор напуган, я бы с радостью ему помог, да только не знаю как. Если честно, сейчас мне самому помощь нужна куда больше, чем ему. Поэтому я молча брёл вперёд, уговаривая себя сделать ещё хотя бы один шаг. И снова в голове промелькнула предательская мысль: «Всё это уже было в том сне...». Может, я просто себя накручиваю, и сегодняшняя катастрофа — не более чем жуткое совпадение? Надо обязательно рассказать об этом Фелмору.

Когда мы наконец добрались до постоянного двора, за окнами уже стояла кромешная тьма. Ральф помог мне подняться по лестнице и ввалиться в комнату. Как я и ожидал, Фелмор был на месте. Увидев меня в таком состоянии, он изумлённо приподнял бровь. Ральф сперва помог мне доковылять до кровати, а уж потом вкратце пересказал Хранителю, что стряслось. Тот слушал очень внимательно, то и дело бросая на меня полные тревоги взгляды. Когда парень закончил, Фелмор поблагодарил его за помощь и проводил до двери. Едва она захлопнулась, он тут же вернулся к постели и, быстро, но цепко осмотрев меня, произнёс:

— И как мне теперь оставлять тебя одного?

— Я тоже рад тебя видеть, — прохрипел я, слабо улыбнувшись.

Он покачал головой и, присев на стул неподалёку, сказал:

— Отдыхай. Всё расскажешь завтра.

Я ничего не ответил, потому что к этому моменту уже окончательно провалился в спасительный сон. В этот раз мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем я снова разлепил глаза и увидел комнату, залитую мягким утренним светом. Хранитель стоял у окна, задумчиво глядя в даль. Я осторожно пошевелился, проверяя, слушается ли меня тело, и, осознав, что всё более-менее в порядке, с облегчением выдохнул. Фелмор услышал этот вздох, резко обернулся и шагнул ко мне:

— Доброе утро! Ты как? Двигаться можешь?

— Эй, ты что, перевязал мне раны? — удивлённо спросил я, разглядывая забинтованную руку.

— Пока ты спал, я тебя полностью осмотрел. С уверенностью могу сказать: жизни ничто не грозит, но лучше бы тебе ещё пару дней полежать. Ты, похоже, сильно приложился головой, так что давай-ка быстро проверим ясность ума. Как тебя зовут?

— А то ты не знаешь? — проворчал я, сощурившись.

— Не умничай, будь паинькой и отвечай на вопросы. Как тебя зовут?

— Эйнджел Найт. Я сын капитана стражи из Флаемора.

— Хорошо. А меня как зовут, помнишь? — протянул Фелмор тоном, каким обычно разговаривают с маленькими детьми.

— Ох, как же мне порой хочется это забыть, но ты — Фелмор, — вздохнул я. — Экс-король, Хранитель и садист в одном флаконе.

— Да, с тобой определённо всё в порядке, — констатировал мой спутник, присаживаясь на край кровати. — Но последнюю проверку всё же проведём. Ты помнишь, что случилось вчера?

Я кивнул и пересказал ему события минувшего дня — всё, вплоть до того момента, как переступил порог комнаты с Ральфом. Фелмор удовлетворённо хмыкнул и тут же принялся расспрашивать, что мне удалось разузнать.

— Похоже, болезнь действительно начала расползаться из одного из магических районов, как и предполагала Лайнелла. Могу сказать точно — это не Первый район, потому что среди местной знати меньше всего заражённых. По слухам, четверть города сейчас в карантине, и ещё примерно столько же погибло с начала эпидемии.

— Интересно. А вот что удалось выяснить мне, — заговорил Фелмор. — В Первом районе ходит стойкое убеждение, что всё началось именно со Второго района. Ты ведь знаешь, что там сейчас нет правителя? — я кивнул. — Так вот. По сути, за районом никто не следит и не отвечает, а значит, не исключено, что туда пробралась группа диверсантов и распространила заразу.

— Считаешь, болезнь могла прийти извне? — задумчиво протянул я.

— Почему бы и нет? Не сама же по себе она здесь вдруг взялась из ниоткуда.

— Всё это как-то слишком странно, не находишь? — спросил я, прикрыв рукой глаза. — Таинственная болезнь, внезапное затмение, землетрясение...

Я осёкся, резко сел на кровати, вспомнив всё разом, и напугал Фелмора. Он силой заставил меня лечь обратно.

— В чём дело?

— Помнишь, мне приснился кошмар, и ты меня разбудил? — он кивнул, и я продолжил: — Мне тогда привиделись все эти события!

Я пересказал ему содержание сна, лихорадочно стараясь припомнить каждую деталь. Когда я закончил, то выжидающе посмотрел на него.

— Затмение, землетрясение, город во тьме... всё это там было. Выходит, это был вещий сон?

— Скорее, просто стечение обстоятельств, — отозвался он, пожав плечами. — Ты же видел не точь-в-точь такую же картину, верно? Людям зачастую свойственно искать объяснения необъяснимому, и ты мог попросту начать додумывать, убедив себя, что видел во сне то же самое.

Я тяжело вздохнул, вновь почувствовав, как где-то глубоко в душе зашевелилась липкая, неприятная тревога. Надо бы хоть как-то отвлечься от мрачных дум. Точно! Я ведь собирался написать Иви, как только доберусь до города. Я сказал об этом Фелмору, но тот отрезал, что никуда меня непустит.

— Сказано же: тебе надо лежать! — проворчал он, нахмурившись. — Не помрёт твоя ведьмочка, если подождёт ещё пару дней.

— Тогда позволь мне написать письмо здесь, а ты сам его отправишь! — взмолился я. — Мне нужны только бумага и чернила, у хозяина наверняка найдётся. Будь другом, принеси!

Он снова что-то недовольно пробубнил, но направился к выходу, а через некоторое время вернулся со всем необходимым. Я осторожно поднялся и сел за стол посреди комнаты. Стоило мне вывести первое слово, как перо будто само заскользило по бумаге, изливая всё, что было на душе. Я написал, что со мной всё хорошо и я отчаянно по ней скучаю. Рассказал о приключениях, о лагере бандитов и о знакомстве с одним из Архимагов. О болезни, затмении и вчерашнем ужасе я решил умолчать, пообещав поведать об этом при встрече. Главное — сейчас я в порядке, и всем сердцем надеюсь, что она здорова и всё ещё помнит обо мне.

Закончив, я сложил листок и протянул Фелмору. Он покрутил его в пальцах, коротко кивнул и указующим жестом ткнул в сторону кровати:

— Когда вернусь, ты должен быть вот здесь. И нигде больше.

Я улыбнулся и пообещал, что даже не шелохнусь до его возвращения. Он недовольно хмыкнул и, спрятав письмо, вышел из комнаты.

Спустя три дня я почувствовал себя значительно лучше. Раны затянулись, не без помощи Фелмора, разумеется, и я был ему за это искренне благодарен. Он и сам радовался, что я иду на поправку, хоть и не подавал виду, но я-то чувствовал это. Так долго бездельничать было бы непозволительной роскошью, а потому, едва мне полегчало, я предложил продолжить расследование.

— Нам нужно выяснить, где именно всё началось. Ты говорил, стоит проверить Второй район?

— Да, но нужен предлог, чтобы туда пойти, — ответил Фелмор, садясь на стул напротив. — Два чужака, слоняющиеся по закрытой карантинной зоне и что-то вынюхивающие, — это будет выглядеть крайне подозрительно.

Он был прав. Мы принялись думать, как туда пробраться, не вызвав лишних вопросов, но все идеи отметались одна за другой. Мы уже начали обсуждать варианты по второму кругу, когда я вдруг вспомнил одну важную деталь.

— Помнишь парня, что помог мне добраться сюда? — Хранитель кивнул. — Он сказал, что среди знати вообще нет погибших. Только впавшие в глубокий сон. Не находишь это странным?

— Думаешь, у благородных есть доступ к какому-то особому лечению?

— Именно так Ральф и считает. — Я поднялся со стула. — Предлагаю навестить Лайнеллу и задать ей парочку прямых вопросов.

Фелмор согласился — других идей у нас всё равно не было. Мы вышли на улицу, и только тут я увидел, что город уже успело слегка припорошить первым снегом. Неужели за эти три дня незаметно подкралась зима? Небо затянули серо-белые тучи, готовые, казалось, вот-вот снова просыпаться на землю мириадами крохотных снежинок. За это безжизненное, белое небо я терпеть не могу зиму. Город выглядел притихшим и сонным, а дома под снежным покровом казались чересчур тёмными и унылыми. Мы молча дошли до центра, где возвышался уже знакомый дворец, и попросили стражу передать Владыке о нашем прибытии. Те сперва артачились, но я проявил настойчивость, и в итоге один из них с крайне недовольным видом скрылся за высокой дверью. Пока мы ждали, с небес и впрямь посыпался снег, и мне показалось, что вокруг враз стало намного холоднее. Наконец нам позволили войти и проводили по знакомой лестнице в знакомую комнату.

— Здравствуй, Фелмор! — услышал я, едва закрыв за собой дверь. — Ты тоже здесь? А мне передали, что посетителя зовут Эйнджел, и я уж было подумала, что он решил заявиться в одиночку.

— И вам не хворать, — проворчал я, отвешивая наигранный поклон. — Между прочим, мы по делу.

— Хотите отказаться от расследования? — спросила она, сразу поникнув. — Я не удивлюсь. После таких событий весь город в панике, что уж говорить о приезжих...

Мы с Фелмором переглянулись и оба тяжело вздохнули. Нельзя забывать: какой бы одарённой ни была эта Лайнелла, она всё ещё ребёнок, и оттого бывает наивной, а порой и додумывает лишнее. Хранитель мягко улыбнулся ей и как можно более бодрым тоном произнёс:

— Что вы, леди Лайнелла, мы вовсе не отказываемся. Напротив, мы зашли посоветоваться. Понимаете, мы с моим спутником хотели бы обсудить кое-что с вами.

Пока он говорил, на её лице, казалось, успела смениться дюжина эмоций — от радости до гордости. Похоже, Фелмор очень нравился этой девчонке: то-то она так обрадовалась, узнав, что пришёл и он. Лайнелла дослушала и снова пригласила нас присесть на тот самый синий диван. Я заметил, что в одном из кресел развалился большой серый пушистый кот. Едва мы подошли, он поднял мордочку, широко зевнул, протяжно мяукнул и подошёл обнюхать гостей. Фелмор ему чем-то не угодил — кот не стал задерживаться рядом с Хранителем, а вот я пришёлся ему по душе. Он обстоятельно обнюхал меня, потёрся о ногу, а затем запрыгнул на колени и уютно свернулся клубочком. Лайнелла наблюдала за этой сценой с неподдельным интересом.

— Звездочка прекрасно чувствует людей, — сказала девочка, не отрывая глаз от кошки. — Ты, наверное, очень добрый, раз она так легко к тебе пошла.

— Сочту это за комплимент, — ответил я, машинально поглаживая пушистую спинку. — И всё же давай перейдём к делу.

— Хорошо, мне и самой не терпится узнать, как у вас дела, — ответила она, принимая самый серьёзный вид. — Из-за этого землетрясения у меня забот прибавилось, и я буду счастлива, если количество проблем в городе начнёт наконец уменьшаться, а не расти.

— Кстати, об этом, — подхватил Фелмор. — У вас в городе часто такое случается?

— Да что ты такое говоришь?! — изумлённо воскликнула она. — Здесь вообще никогда землетрясений не было! И затмение это взялось невесть откуда.

— Когда оно случилось, магия на время просто исчезла, — добавил я.

— Да весь город до сих пор на ушах! — всплеснула она руками. — Вы даже представить себе не можете, как много устройств, основанных на магической энергии, используют жители Аэрокастера. Вообразите, какая паника началась, когда всё разом перестало работать! К счастью, продлилось это лишь несколько минут, но последствия ужасны. Мне ещё повезло: в Шестом районе меньше всего магической инфраструктуры, так что люди здесь пострадали не так сильно.

— Как вообще затмение может быть связано с магией? — спросил я, продолжая гладить кота.

— Хотела бы я знать, — устало вздохнула девочка. — Но да ладно, это уже мои заботы, и я сама с ними разберусь. Давайте вернёмся к нашему расследованию. Что удалось выяснить вам?

Я пересказал ей всё, что узнал в тот злополучный день. Судя по её реакции, эти сведения уже были ей известны, и она ничуть не удивилась. Почему же тогда не поделилась с нами раньше? Впрочем, одна деталь всё-таки смогла вывести её из равновесия.

— Среди местных ходят упорные слухи, что высшее сословие имеет доступ к некоему лекарству, которое и помогает им выжить. Собственно, мы и пришли выяснить: правда ли это?

Она нахмурилась, опустила взгляд и замолчала. Было очевидно, что говорить на эту тему ей до крайности не хочется. Но я настоял, подчеркнув, что это может оказаться ключом ко всей загадке. В конце концов, она сдалась и, тщательно подбирая слова, начала:

— Есть кое-что, о чём простые люди не знают. Я действительно даю своей маме лекарство, которое, по моему мнению, до сих пор успешно спасает ей жизнь.

— «По вашему мнению»? — переспросил Фелмор. — Что это значит?

— Я не уверена, что дело именно в нём, — ответила она и, чуть запнувшись, продолжила совсем тихо: — Потому что придумала его я сама.

— Ого! — вырвалось у меня. — Ты меня удивила. В хорошем смысле.

— «Сочту это за комплимент», как ты недавно выразился, — язвительно парировала она. — Между прочим, я всегда обожала эксперименты! Эта болезнь — страшная трагедия, но для меня это ещё и возможность всерьёз заняться алхимией. Когда мама заболела, я за несколько дней вывела формулу, раздобыла ингредиенты и сварила снадобье. По моим расчётам, она должна была полностью поправиться. Но, видимо, я где-то ошиблась, либо хворь оказалась куда сильнее. Мама спит и почти никогда не приходит в себя. Я продолжаю давать ей лекарство, пытаюсь улучшить, но пока — безрезультатно.

— Подожди, — перебил я её. — Может, я неправильно тебя понял... Ты что, ставишь эксперименты на собственной матери?!

— А что ты в этом понимаешь?! — взвилась она. — Моя мама была бы счастлива помочь мне! Она выдающийся учёный в области магии, и я горжусь, что иду по её стопам!

— Не сердись, леди Лайнелла, — поспешил я смягчить тон, заметив, что на глаза у неё навернулись слёзы. — Ты права, я ничего не смыслю в науке. Но позволь спросить: как ты уговорила остальных магов участвовать в испытаниях?

— Остальных магов? — она удивлённо захлопала ресницами, торопливо утерев глаза рукавом. — Я никому, кроме мамы, это лекарство не давала. Полагаю, остальным выжившим помогло что-то другое.

Я тяжело вздохнул и откинулся на спинку дивана. Звезда, к тому времени спрыгнувшая с моих колен, весело побежала к хозяйке. Лайнелла наконец-то улыбнулась, взяла кошку на руки, и та довольно заурчала. Фелмор выждал, пока девочка совсем успокоится, и осторожно спросил:

— Госпожа Лайнелла, не хотели бы вы испытать лекарство на ком-нибудь ещё?

— Это было бы замечательно, — мечтательно протянула она. — Только вот кто согласится быть подопытным? Знатные маги самого дурного мнения обо мне. Они считают, что я не заслужила свой титул, а совет избрал меня не за знания и умения, а лишь потому, что мои родители — тоже Архимаги.

— Неужели? — хмыкнул я. — Если мать была Шестым Владыкой, то твой отец, выходит...

— Он был Вторым, — почти прошептала она, опуская взгляд на Звезду. — Не знаю, слышали вы или нет, но Второй Владыка пропал почти десять лет назад. Мне тогда было всего четыре, я его почти не помню. По законам Аэрокастера, Архимаг должен сам передать полномочия преемнику, которого одобрит совет. Но, как вы понимаете, отец так и не появился. Поэтому через несколько месяцев на собрании совета мы должны будем избрать кого-то другого.

— Вот, значит, почему твоя мать передала пост тебе, — догадался я. — Она хотела занять место пропавшего мужа, верно?

— Да, и совет бы непременно её поддержал, — девочка помрачнела ещё больше. — Только я уже не знаю, суждено ли ей теперь поправиться.

Она снова сидела, едва сдерживая слёзы. Кошка тёрлась о её руки и тихо мяукала, словно пытаясь утешить. Мне вдруг стало мучительно жаль леди Лайнеллу. Совсем ещё ребёнок, а взрослые уже свалили на неё такой тяжкий груз. Хуже того — она осталась с этим бременем одна, без отца и матери, по сути, круглая сирота. К тому же она — потомок самого основателя города, и велика вероятность, что по одной этой причине от неё ждут великих свершений. Я невольно вспомнил себя в её возрасте. Мой отец грезил о том, что меня возьмут в гвардию, да и все вокруг прочили мне именно такое будущее. Когда же пришло письмо с отказом из-за моих частых нарушений, он был страшно разочарован. Я до сих пор помню ту свинцовую тяжесть на душе от его взгляда — сперва осуждающего, потом расстроенного, а потом в его глазах я увидел лишь холодное равнодушие. Да, я знаю, что сам был во всём виноват, но я был ребёнком и тогда ещё не думал, насколько ужасными порой могут быть последствия необдуманных поступков. Хорошо, что позже нам с ним удалось помириться, и отец вновь смотрел на меня со своей привычной строгой суровостью, за которой, я знал, прячется отцовская любовь.

Но эта девочка, сидящая сейчас передо мной, возможно, уже никогда не сможет заглянуть в любящие глаза своей матери. Однако я в силах помочь! Я могу хотя бы попытаться сделать что-то, что поможет ей справиться с этой бедой. Я решительно поднялся и под изумлённым взглядом Фелмора объявил:

— Сделай мне это снадобье. Я проверю, действительно ли оно способно помочь.

— И как же ты это проверишь? — с недоверием спросила девочка. — Говорю же, никто из знати не согласится участвовать в моих опытах.

— Знатные, может, и не согласятся. Но обычные люди готовы хвататься за любую, даже призрачную надежду, — ответил я, уже на ходу прикидывая план. — Есть тут один парень, перед которым я в долгу. Кажется, его отец сейчас как раз борется с болезнью. Думаю, он будет рад услышать, что я принёс целебное снадобье.

Лайнелла всё ещё колебалась. Я мог её понять: она и сама не уверена в успехе, и панически боится навредить ещё сильнее. Мы с Фелмором решили не давить и дать ей время всё обдумать.

— Ты знаешь, где нас найти. Как будешь готова — пришли весточку, и мы сразу явимся, — сказал я, и мы, попрощавшись, направились к выходу.

Снаружи бушевала настоящая метель. Снег, казалось, заполнил собой всё пространство от земли до неба, стремясь как можно скорее опустить на город свои белые хлопья. На улице — ни души, что и неудивительно: в такую погоду хочется лишь одного — сидеть дома, в тепле и уюте. Мы с Фелмором не спеша брели в сторону постоянного двора. Ветер, смешанный со снежной крупой, хлестал прямо в лицо, так что порой я с трудом различал дорогу. На полпути я уже продрог до самых костей, а Хранителю было хоть бы что. Мне кажется, покройся вся его броня коркой льда, он и тогда сохранял бы невозмутимость, делая вид, что так и задумано. Хотя, думаю, он шагает с таким каменным лицом просто потому, что не чувствует холода. Мне до сих пор так тяжело привыкнуть к мысли, что он вообще не испытывает обычных человеческих потребностей. Поначалу я думал, что это невероятно круто: не спать, не есть, не мёрзнуть, не волноваться о таких обыденных вещах. А потом осознал: жизнь, лишённая этих мелочей, — вовсе и не жизнь. Ты не увидишь ни единого сна, как бы ни старался. Никогда не узнаешь, каков на вкус хлеб, что лежит перед тобой. Не изведаете этого блаженного тепла, когда, продрогший до нитки,ходишь в дом и садишься у жарко пылающего очага. Ведь именно из таких крупиц и складывается всё то, что мы зовём жизнью, не так ли?

Я лишь утвердился в своих мыслях, когда наконец вошёл в хорошо протопленную комнату и увидел на столе горячий ужин. Сразу стало и тепло, и сытно, и на душе сделалось куда легче. Из окна метель уже не казалась тоскливой, а выглядела убаюкивающе-умиротворяющей. Как приятно смотреть на падающий снег, сидя при этом в тёплой комнате. Метель не утихала до самого вечера и не прекратилась даже ночью. Засыпая, я всё ещё видел кружащиеся за окном белые хлопья, которые всё плотнее укутывали город снежным одеялом.

Мне показалось, что я снова дома, в родной столице. Вот знакомый стол, весь в пятнах чернил и засохшего клея. Сколько же раз я сидел за ним, когда отец приходил со службы и начинал учить меня грамоте. А когда отца не было, я вырезал из исписанных листов фигурки зверей, склеивал их и потом с гордостью показывал друзьям. Моей матушке необычайно понравилась одна поделка, похожая на птицу. Она попросила её себе и до сих пор хранит в своём шкафу. Я огляделся и понял, что лежу в своей старой комнате, где всё осталось точь-в-точь как в тот день, когда мне пришлось уйти. Бросив взгляд в окно, я заметил, что снег всё идёт. Из-за сплошной белой пелены не было видно ни улицы, ни соседних домов, ни даже высокой вишни, что росла у забора. Мне захотелось выйти, проверить: может, кто-нибудь всё же дома? Я спустился на первый этаж — и, конечно, никого там не обнаружил. Странно, но в глубине души я словно заранее знал, что остался один, и потому почти не расстроился. И всё же... почему родной дом кажется мне таким чужим? Я вырос здесь, знаю каждый угол, каждый табурет, каждую царапину на половице, но сейчас меня не покидало чувство, будто я здесь впервые. Может, стоит выйти и осмотреться? Я толкнул входную дверь, но тотчас же почувствовал, как сильнейший ветер пытается вдавить меня обратно. Собрав всю волю в кулак, шаг за шагом я всё-таки преодолел порог. Дверь с грохотом захлопнулась за спиной, и снова открыть её я уже не смог.

Снег всё валил и валил, и было совершенно непонятно, в какую сторону идти. Казалось, я раз за разом прохожу мимо той самой улицы, где провёл всё детство, но никак не могу понять, где нахожусь. Внезапно с неба сорвалось что-то белое, ударилось о моё плечо и плавно опустилось на землю. Наклонившись, я поднял это и, покрутив в пальцах, с удивлением понял — бумажная птица. Та самая, которую я когда-то подарил матери. Откуда она здесь?! Ветер взвыл с новой силой, и с небес посыпались сотни, тысячи белых птиц, безмолвно падающих

на снег. Я шёл вперёд, а они всё падали и падали, и мне вдруг стало казаться, что ещё немного — и они заполнят собой всё вокруг, погребут под собой. Я ускорил шаг, потом перешёл на бег: нужно вырваться, иначе я утону в этом жутком море снега и мёртвых птиц! Я бежал, не разбирая дороги, пока наконец впереди не показалась крепостная стена с большими, распахнутыми настежь воротами. Не помня себя от радости, я влетел внутрь, и в тот же миг врата с гулким стуком захлопнулись, оставив снежный кошмар далеко позади. Снегопад внезапно прекратился, из-за туч выглянуло солнце, да такое ослепительно яркое, что я невольно прикрыл глаза рукой. Из-за этого нестерпимого света я никак не мог понять, где оказался, и лишь спустя время сумел оглядеться.

Я стоял посреди огромного пустого двора, а со всех сторон меня плотным кольцом окружала армия призраков. Они не пытались нападать: просто стояли и смотрели своими жуткими, пустыми глазами. Я застыл, цепenea от страха. Откуда здесь взялась эта армия?! Город же защищён барьером!

И тут меня осенило: эти призраки пришли не извне. Все они — жители Флаемора, и всё это время они ждали меня здесь. В тот же миг, будто прочитав мои мысли, вся безмолвная толпа разом двинулась ко мне. Их полупрозрачные тела начали сливаться друг с другом, перетекая одно в другое и образуя новое, чудовищное существо, постепенно принимавшее форму какого-то неведомого демона. Вот он полностью материализовался передо мной, и я хотел развернуться и бежать со всех ног, но тело будто парализовало. Шаг за шагом тварь приближалась, а я не мог ни пошевелиться, ни даже закричать.

Глава 6

Я вскрикнул и вскочил с кровати, ещё не до конца осознав, что всё это был просто сон. В комнате царил кромешная тьма, и Фелмора нигде не было видно. Я попытался сосредоточиться на нашей связи, чтобы узнать, где он, но сердце колотилось с такой силой, что я никак не мог ухватиться за нужную нить. Кошмар оказался до жути реалистичным. Мне кажется, не проснись я вовремя, существо убило бы меня прямо во сне. Ладно, сейчас главное — успокоиться, иначе я никогда не выясню, куда опять запропастился этот несносный Хранитель.

Я встал, подошёл к окну и, приоткрыв створку, выглянул наружу. Снег по-прежнему валил стеной, и в предраассветной полутьме невозможно было разглядеть даже дорогу под окном. Сердце ёкнуло: именно так начинался мой сон. А вдруг я всё ещё сплю? Внутри снова закипело беспокойство, и я невольно принялся перебирать в памяти всё, что увидел. Неужели те события повторятся наяву? Нет, нельзя попусту себя накручивать! Мне просто приснился очередной кошмар, не более. То, что прошедшие события частично совпали с моим давним сном, — лишь случайность и мои домыслы. И всё же где-то глубоко внутри меня не отпускала уверенность, что сон был вещим, и я снова и снова прокручивал в голове каждую его деталь. Может, стоит взглянуть на это иначе? Считать, что меня предупреждают о грядущей опасности и мне нужно лишь быть готовым. Да, рассудительность помогает перебороть панику. Надо просто оставаться начеку в ближайшее время, чтобы успеть среагировать.

Я ещё немного поразмыслил, как бы действовал в той или иной ситуации, пока комок тревоги внутри окончательно не растаял. Закрыв окно, я уже собирался идти искать спутника, но тут услышал скрип двери, и в комнату вошёл Фелмор. Я сразу направился к столу зажечь свечи, и, кажется, только сейчас Хранитель заметил, что я его жду:

— Ты чего не спишь? — спросил он, подходя ближе.

— А ты где пропадаешь? — спросил я в ответ.

Фелмор вздохнул, сел напротив и недовольно заметил:

— Отвечать вопросом на вопрос — верх неприличия.

— Постоянно пропадать без единого слова — ещё больший верх неприличия, — парировал я, усаживаясь за стол. — Неужели возникло настолько срочное дело, которое не могло подождать до утра?

Он довольно хмыкнул и выудил откуда-то небольшой флакон с тёмной жидкостью. Я вопросительно уставился на склянку, и Хранитель пояснил:

— Пришло сообщение от Лайнеллы. Она просила как можно скорее прийти по поводу того, что мы обсуждали днём. Клянусь, я пытался тебя разбудить, но ты спал как убитый, вот и пришлось идти одному.

— Готов поспорить, госпожа Архимаг была этому очень рада?

— Ещё бы! — довольно улыбнулся он. — Кажется, леди Лайнелла особого мнения обо мне.

— Это называется «по уши втрескалась», — перебил я. — Бедная девочка: в качестве первой любви выбрала самовлюблённого садиста.

— У неё был выбор между величайшим королём-героем и вредным мальчишкой, который с магией-то еле управляется, — надменно протянул он. — По-моему, исход очевиден.

— Да пожалуйста! Меня вообще не интересуют маленькие девочки, — ответил я, недовольно скрестив руки на груди.

— Меня тоже, поэтому давай закроем эту тему, — отрезал Хранитель и снова указал на флакон. — Как ты уже мог догадаться, она всё-таки приготовила своё особое лекарство для нас.

Я утвердительно кивнул, поблагодарил его за вылазку и убрал склянку в карман. Мы ещё немного посидели в молчании, пока Фелмор не нарушил его:

— Ты так и не ответил: отчего проснулся?

— Да будто чувствовал, что ты снова куда-то улизнул, — огрызнулся я, вставая. — Ну, раз проблема решена, пойду-ка ещё немного подремлю, а как рассветёт — отправлюсь искать Ральфа. Только, пожалуйста, не исчезай больше вот так, посреди ночи.

Кажется, в последних словах всё-таки прозвучали тревожные нотки. Фелмор с подозрением посмотрел на меня, но ничего не сказал, лишь одобрительно кивнул. Я задул свечу, снова лёг и отвернулся к стене, только вот заснуть так и не смог. Мне почему-то казалось: стоит закрыть глаза, и тот самый кошмар продолжится с того же места. Так и пришлось пролежать до рассвета, борясь с собственными страхами. Наконец первые лучи показали из-за белых, стальных облаков. Метель, похоже, закончилась, а значит, жуткого снегопада, как во сне, больше не будет. Я с облегчением выдохнул: всё-таки на этот раз меня навестил обычный ночной кошмар.

Я поднялся, попрощался с Фелмором, который так и сидел на прежнем месте, и поспешил покинуть комнату. Похоже, Хранитель уловил, что настроение у меня паршивое, и не стал говорить ничего лишнего. Вот и славно: сейчас мне хотелось побыть одному. На улице было свежо и очень снежно: за ночь дороги замело так, что каждый шаг давался с усилием. Зато радость будет местным детям — они уже совсем скоро превратят сугробы в снежные крепости, горки и причудливые фигуры. Я на мгновение вспомнил, как сам, будучи совсем ребёнком, обожал играть в снегу. Однажды я сильно простудился и страшно расстраивался, что пришлось несколько дней проваляться в постели. Зато потом, когда болезнь отступила, я с нетерпением выбежал во двор и увидел там огромную снежную горку! Оказалось, мой отец вместе с соседями несколько дней строил её, чтобы порадовать меня после болезни, и ничего не рассказывал, сохраняя сюрприз. Это воспоминание заставило меня улыбнуться. Ребёнком я и представить не мог, что спустя годы, находясь так далеко от дома, буду с такой теплотой вспоминать этот случай.

Прогулка по заснеженному Аэрокастеру явно пошла мне на пользу: плохое настроение постепенно сошло на нет. Когда я почти забыл и о ночном кошмаре, и о метели, и о вечно исчезающем Хранителе, в голове освободилось место для насущных проблем. Нужно найти Ральфа, но я совершенно не подумал, где именно его искать. Вариантов немного, и я решил начать с самого очевидного — отправиться на стройку и поспрашивать там. Дорога заняла пару часов, и в итоге я оказался возле уже знакомого храма. Людей вокруг было на удивление мало, и у меня мелькнула мысль, что после землетрясения желающих работать здесь резко поубавилось. Так и оказалось: главный по реконструкции едва не плача поведал о своей беде. В тот день, когда случились затмение и землетрясение, месяцы труда, вложенные в храм, в одночасье пошли прахом. Я с тоской взглянул на разбитые витражные стёкла, которые сам помогал ставить. А ведь кроме разрушений было и немало человеческих жертв... Это явно не пошло на пользу несчастному храму. Короче говоря, работы прибавилось, а работников убавилось, и это грозило серьёзными последствиями. В планируемые сроки теперь едва ли удастся уложиться, да ещё и денег потребуется значительно больше. Мне стало искренне жаль этого человека, но сейчас я ничем не мог ему помочь. Точнее мог бы, если удастся разобраться с болезнью, но для этого нужен Ральф. Я спросил, здесь ли он сегодня, и главный кивнул, указав на крышу, после чего добавил: «Он там один работает. Те двое, что были в его команде, ушли через день после происшествия. Кажется, они расстроились, что все их труды пошли насмарку, и я могу их понять. Только вот оставлять Ральфа одного с этой проблемой было нехорошо. А я всё никак не могу найти ему новых помощников — уж очень с ним порой сложно сработаться». Я кивнул, спросил разрешения подняться и, получив его, направился к лестнице. Леса восстановили, и я был несказанно рад воспользоваться ими, а не взлетать с помощью заклинаний. Меня передёрнуло при воспоминании о том, как я рухнул с высоты, и магия меня не особо-то спасла. Вдруг она снова откажет, и я останусь один на один с пугающей, огромной пустотой под ногами? На

всякий случай я проверил, могу ли колдовать, и, убедившись, что всё в порядке, продолжил взбираться. Как только я преодолел последнюю ступеньку и ступил на крышу, колени у меня затряслись от страха. Прежде чем сделать следующий шаг, я опять убедился, что магические способности при мне, и лишь потом осторожно двинулся вперёд.

Ральф действительно был здесь: он сидел на козырьке слухового окошка и обтачивал край большого красного стеклянного лепестка. Я поздоровался, но он так увлёкся работой, что вздрогнул от моего голоса и едва не выронил заготовку.

— Эйнджел, дружище, не подкрадывайся так внезапно! — воскликнул он и тут же улыбнулся. — Рад тебя видеть. Смотрю, ты уже полностью оправился?

— Да, всё в порядке, — ответил я, присаживаясь неподалёку на другой козырёк. — Вообще-то я пришёл поблагодарить тебя за помощь. Даже не знаю, чем бы всё закончилось, если бы не ты.

— Пустяки, — махнул он рукой. — Знаешь, меня так отец воспитал. Он всегда учил помогать другим, даже если ничего не получу взамен. Вернее, говорил, что я в любом случае обрету чистую совесть и ещё одного друга, если решу кому-нибудь помочь.

— Твой отец очень мудрый человек, — протянул я, тоже улыбнувшись. — Ты, кажется, говорил, что он слёг с этой странной болезнью?

— Да, так и есть, — тяжело вздохнул Ральф. — Буквально пару недель назад он вдруг резко ослаб. Я сразу понял, что это один из симптомов. Отец, видимо, тоже догадался, поэтому сам отправился в карантинную зону, не дожидаясь стражи, чтобы не разносить заразу.

— Ты говоришь так, будто другие заболевшие не хотели туда идти.

— Ясно дело, что не хотели, — подтвердил Ральф, осматривая готовый лепесток. — Многие вообще скрывают, что больны, лишь бы не изолироваться во втором районе. Я их понимаю: невероятно тяжело в один день бросить всё, осознавая, что можешь больше не вернуться к прежней жизни. Ведь никто пока так и не смог исцелиться.

— Кстати, об этом я и пришёл поговорить, — сказал я и придвинулся ближе, чтобы меня было лучше слышно. — Ты мне помог, и я хочу отплатить тем же. Возможно, у меня есть лекарство, которое поможет твоему отцу.

Ральф удивлённо вскрикнул, и я шикнул на него, призывая говорить тише. Хорошо, что на крыше никого нет, но кто знает, где могут подслушивать. Ральф извинился и почти шёпотом спросил:

— Где ты достал это лекарство?

— Я же путешественник, помнишь? — ответил я с улыбкой. — Где я только не побывал. Однажды в пути встретила мудрая знахарка: я помог ей отбиться от волков, и в благодарность она подарила мне несколько зелий. Среди них было одно, исцеляющее магические болезни. Оно довольно редкое, но ты человек достойный, и я готов поделиться.

Я замолчал, давая Ральфу время обдумать услышанное. Надеюсь, моя маленькая ложь прозвучала достаточно убедительно — правду пока открывать нельзя. Он с подозрением взглянул на меня и после паузы спросил:

— Это лекарство точно сработает?

— Скажу честно: вероятность очень мала, — ответил я, доставая склянку. — Но попробовать стоит. Хуже от этого всё равно не будет, верно?

Он кивнул и, взяв пузырёк, внимательно его рассмотрел. Не найдя ничего подозрительного, Ральф спрятал лекарство, улыбнулся и сказал:

— Спасибо тебе огромное, Эйнджел! Даже если не поможет, ты подарил мне надежду. Я бы пригласил тебя пойти со мной, чтобы ты сам встретился с моим папашей, но тогда придётся идти в карантинную зону, а ты вряд ли захочешь рисковать.

— Разве она не закрыта? — удивился я. — Мне наверняка нужно какое-то специальное разрешение, чтобы войти.

— Нет, войти может кто угодно, а вот выйти — лишь те, кто пройдёт проверку. Знаешь, эта болезнь почему-то трогает не всех. Из моей семьи заболел только отец, а матушка, братья и сёстры здоровы, хотя живём под одной крышей.

— Выходит, я могу пойти с тобой? — спросил я, стараясь не выдать волнения.

— Не боишься тоже слечь с этой мерзостью?

— Не переживай: у меня ещё есть лекарство про запас.

Ральф пожал плечами, будто не зная, что ответить, но было видно — он рад. Мы спустились с крыши (заодно ещё раз проверили работу заклинания левитации), отпросились у главного, и я последовал за Ральфом в нужную сторону. Мы миновали пару засыпанных снегом кварталов и остановились у широкой дороги. На мой вопрос, чего же мы ждём, Ральф ответил:

— Спорим, ты никогда не видел духов ветра? — я покачал головой, и он продолжил: — Это, так сказать, низшие призывные существа. Мы здесь зовём их «ветерками». Если их соберётся очень много, они могут призвать Урагана — высшего духа. По правде говоря, ветерков в Аэрокастере полно, что неудивительно: здесь когда-то обитал Ураган, пока Лайнелла Первая не укротила его и не разбила на множество мелких созданий. Кстати, шестую владыку тоже зовут Лайнелла, как и её мать, потому что они обе — её потомки, и в их семье это имя передаётся от матери к дочери с тех самых пор. Уверен, юная правительница умеет подчинять сильнейших духов, несмотря на столь нежный возраст! Однако я отвлёкся, давай вернёмся к нашему разговору. Так вот, когда Урагана разбили, ветерки не разлетелись — напротив, они постоянно стремятся собраться воедино. Чтобы это предотвратить, маги Аэрокастера научились использовать их для своих нужд. Они переносят письма, двигают механизмы, активируют магические механизмы и даже служат транспортом. Пешком нам идти довольно далеко, так что предлагаю «добраться с ветерком»!

Он рассмеялся, явно довольный собственным каламбуром. Только я всё ещё не мог взять в толк, что он имеет в виду. Духи ведь бесплотные — как и для чего мы их используем? Я осмотрелся, но не заметил ничего похожего на средство передвижения.

— Хорошо, но, как ты сам сказал, я ничего о них не знаю, — растерянно отозвался я, озираясь по сторонам. — Может, покажешь, что делать?

Ральф довольно хмыкнул, вышел на дорогу и громко произнёс какое-то заклинание. Воздух вокруг завибрировал, а снег на дороге словно приподнялся. Похоже, заклинание требует немалого потока энергии. Я внимательно следил за происходящим и вскоре заметил, как прямо перед Ральфом начало проявляться какое-то существо. Оно обрело всё более чёткие очертания, пока я не понял, что передо мной — подобие грифона. Когда Ральф закончил, призванный дух застыл перед ним неживой куклой, сотканной из снега и воздуха, — полупрозрачный и по-настоящему волшебный. Ральф перехватил мой восхищённый взгляд и довольно улыбнулся:

— Между прочим, не каждому магу под силу совладать даже с самыми простыми духами. Тут главное — понимать, кого именно ты хочешь видеть перед собой. Я лично люблю представлять ветерков в форме грифона, поэтому они принимают такое воплощение. Знал бы ты, как долго я тренировался, чтобы придавать им именно этот вид! Зато все мои друзья рты открывают от удивления, когда видят, как я мчусь по дорогам верхом на грифоне.

— Мне уже не терпится самому попробовать! — воскликнул я, подходя ближе. — Расскажи, как призвать твоего «ветерка»?

Он объяснил, какое заклинание использовать, как правильно формировать нужный образ и какую энергию искать. Выходит, для призыва мне нужно лишь уловить поток маны, излучаемой этими духами, подозвать один из них заклинанием и придать ему облик по своему выбору. Я произнёс нужные слова, напрягся и целиком погрузился в ощущения. Ральф не соврал: я ощутил сотни энергетических сгустков разного размера, которые с бешеной скоростью носились вокруг. Сосредоточившись на одном, я мысленно подозвал его — откликнулся он не сразу. Когда ветерок наконец приблизился, я быстро нарисовал в воображении желае-

мый образ и направил ему эту энергию. Воздух снова завибрировал, и буквально через минуту передо мной возникла большая полупрозрачная сова. Получилось весьма недурно, и теперь настала очередь Ральфа удивляться:

— Да ты талантище, парень! С первого раза создал такого духа! Раньше никогда не занимался призывом?

По правде говоря, когда-то давно мне чудесным образом удалось призвать духа огня — феникса. До сих пор остаётся загадкой, что именно тогда произошло и откуда взялось это невероятное воплощение. В прошлый раз всё едва не стоило мне жизни, но сегодня вышло на удивление гладко.

— Думаю, мне есть над чем поработать, — ответил я, пожав плечами. — Давай лучше вернёмся к нашему делу.

Я мысленно приказал сове опустить голову и забрался ей на спину. Ощущения были странными: словно сидишь на очень мягком снегу, но не проваливаешься. Устроившись на шее призванной птицы, я махнул Ральфу, что готов, и тот сорвался с места с криком: «Догоняй!» Управлять духом оказалось на редкость просто — словно лошадью, которая умеет читать твои мысли и мгновенно откликаться. Стоило мне подумать о движении вперёд, как волшебная сова раскрыла крылья, взмахнула ими и, оторвавшись от земли, полетела. Ральф тоже не поднимался слишком высоко: мы держались на уровне крыш, чтобы не мешать прохожим и телегам внизу. Некоторые дети радостно вскидывали руки при виде магических существ над головой, но большинство прохожих даже не поднимало глаз. Удивительно: такой способ перемещения для жителей Аэрокастера был совершенно обыденным. Жаль, что я обитал в шестом районе, где почти нет магов, и оттого раньше не замечал, как много людей перемещаются прямо по воздуху! Мы неслись, казалось, так стремительно, что я едва успевал уворачиваться от птиц, выступов на крышах и других магов, плывущих по небу.

Добрались мы всего за какой-то час, хотя пешком эта дорога заняла бы полдня. Как только впереди показались ворота, ведущие во второй район, Ральф жестом велел спускаться, и мы приземлились на небольшой площади, будто нарочно созданной для этого. Он слез со своего грифона, произнёс заклинание, и воплощение исчезло, превратившись в порыв ветра. Я последовал его примеру, и большая белая сова тоже начала постепенно таять. Почему-то это опять напомнило мне о сегодняшнем сне: белая птица, исчезающая в снегу... Ну вот, снова я себя накручиваю! Ральф заметил моё замешательство и встревоженно спросил, всё ли в порядке:

— Ты какой-то бледный.

— Всё нормально, — отмахнулся я. — Просто немного утомился.

— Ну да, ты как-никак впервые совершил призыв, да ещё и так долго его удерживал. Это требует уйму энергии. Но всё равно ты молодец: для первого раза всё было практически идеально!

Я улыбнулся в ответ и предложил идти дальше. Ральф кивнул и жестом показал следовать за ним. Мы приблизились к огромным воротам — запёртым и охраняемым боевыми магами. Те спросили о цели визита, и Ральф ответил, что мы пришли навестить его отца. Стражники вздохнули и предупредили, что на выходе нам придётся пройти проверку. Мы согласились, и только после этого нас пропустили внутрь.

Глава 7

Моё воображение рисовало пустые, безжизненные улицы и редких прохожих, которые старались не привлекать внимания. На деле же этот район почти не отличался от остальных: здесь так же было полно людей, наслаждающихся прогулкой и совершенно не обращающих внимания на двух незнакомцев.

— Неужели все эти люди больны? — шепнул я, наклонившись к своему другу. — Здесь как-то слишком людно для карантинной зоны.

— Это всё жильцы второго района, — ответил он, тоже понизив голос. — Когда началась эпидемия и власть имущие решили организовать здесь закрытую зону, большинство жителей согласились на временный переезд. Однако часть людей не желала покидать свои дома, либо им просто некуда было податься. К тому же, как я уже говорил, эта болезнь трогает не всех, так что быт большинства оставшихся, по сути, не изменился. Мало того: многие согласились стать волонтерами и сейчас помогают больным, которые уже не в силах позаботиться о себе сами.

— А твой отец? — спросил я, продолжая говорить вполголоса. — Где он сейчас?

— Его определили во временное жильё, как и всех заболевших. Пошли, здесь недалеко.

Я послушно последовал за Ральфом, пересекая широкие дороги и маленькие улочки. В конце концов мы добрались до большого храма, и я сразу понял: отец моего друга находится именно здесь. Где ещё окажут помощь страждущим, как не в храме Создателя? Мы прошли через главный вход и попали в просторный зал, где было на удивление много народу. Послушники и настоятели сновали среди толпы, пытаясь ответить каждому.

— Так и знал, что сегодня приходить не стоило, — буркнул Ральф, недовольно хмурясь. — В праздничные дни здесь не протолкнуться.

— Разве сегодня какой-то праздник? — спросил я, стараясь держаться как можно ближе к спутнику, чтобы не затеряться.

— Сегодня первый день зимы, — ответил он с лёгким удивлением. — Не знаю, как во Флаеморе, но здесь мы празднуем начало зимы и начало лета. Когда живёшь в магическом городе, стоит почаще выказывать уважение населяющим его волшебным существам. Праздники — отличный способ заставить людей сделать больше пожертвований, помолиться лишний раз или хотя бы провести время с семьёй.

Звучало вполне разумно, только вот почему сам Ральф в такой день пропадает на стройке, а не сидит с родными? Когда я задал этот вопрос, он сказал, что без отца праздник не может считаться таковым.

— Я вообще не хотел сегодня его навещать, — признался он, слегка поникнув. — Он очень слаб и почти не встаёт с постели. Ему явно не до праздника, да и мне от этого будет совсем не весело. Но раз уж ты принёс лекарство, затягивать не стоит. По крайней мере, надеюсь, ты расскажешь моему старику пару историй о своих приключениях — он страсть как любит разные байки. Это бы его порадовало.

Я согласился и пообещал поведать им кое-что интересное. Мы продолжили пробираться сквозь толпу и наконец попали в длинный коридор с множеством дверей по бокам. Всё здесь очень напоминало храм в Сайденсе, где меня приютил господин Ватари. То ли оба здания принадлежат одной эпохе, то ли все храмы стараются делать похожими друг на друга. Интересно, кто в Аэрокастере занимается обучением молодых магов: церковь, специальные школы или это бремя ложится на плечи родителей? Я спросил у Ральфа, и он ответил, что возможны все три варианта. При храмах может обучаться кто угодно, но по большей части это малоимущие граждане сироты бедняки, либо же просто граждане с маленьким достатком — они же потом и остаются в качестве работников и прислужников. Однако, есть несколько храмов, куда беднякам вход заказан — к примеру главный храм Создателя — там, в основном, обучается

низшее дворянство. Если семья среднего достатка, она может нанять учителя, либо родители сами учат детей основам. Однако самым престижным считается обучение в академии магии, а их здесь целых три. Исследовательская академия изучает природу магии, магических существ и их призывы. В научной придумывают механизмы, магические устройства, лекарства и всё, что можно изучить с научной точки зрения. Последняя — академия боевых магов — готовит будущих стражей и солдат: всё-таки у Аэрокастера есть собственная армия. Всё это звучало невероятно, просто фантастично. Жаль, что в моих родных краях обучение сводится лишь к освоению основ, да и то исключительно в храмах, под строжайшим контролем.

Хорошо, что эта святая обитель служит не для удержания юных магов, а для помощи нуждающимся. Все храмы в районе, как оказалось, переоборудовали под лечебницы, куда и распределяют заболевших. Ральф молча шёл по коридору, и я так же молча следовал за ним, боясь нарушить немного напряжённую тишину. Внезапно он остановился у одной из дверей, постучал и, услышав голос с той стороны, вошёл.

— Привет, пап! — сказал он, распахивая дверь. — Не ждал? А я решил устроить сюрприз. К тому же я не один — с другом.

Он потянул меня за собой, и я вошёл в комнату, притворив за собой дверь. В дальнем углу, у окна, стояла кровать, на которой сидел мужчина — уже немолодой, но ещё не седой старик. Он выглядел очень уставшим, тяжело дышал, но при этом слабо улыбался, и глаза его горели радостью. Я сразу отметил, как сильно он похож на Ральфа; они даже улыбались одинаково. Старик поправился, сел как можно ровнее и сказал, что очень рад неожиданному визиту.

— Представишь мне своего друга? — спросил он, стараясь говорить громче, но получалось плохо.

— Это Эйнджел, — ответил Ральф, подходя ближе к кровати и присаживаясь на свободный стул. — Помнишь, я пару дней назад рассказывал, что познакомился на стройке с одним путешественником?

— Ну и ну, Ральф, — покачал головой старик. — Ты совсем не подумал, что Эйнджелу опасно сюда приходить?

— Вообще-то это я уговорил его взять меня с собой, — сказал я, тоже присаживаясь на стул неподалёку. — Мне очень хотелось лично встретить человека, который вырастил такого замечательного сына.

Мужчина на кровати рассмеялся, а вот Ральф, напротив, смущённо покраснел. Его отец, отдышавшись после смеха, произнёс:

— Это счастье для каждого родителя — слышать такое о своём сыне. Я вижу, вы ровесники, хотя мне казалось, ты будешь постарше. Может, расскажешь немного о себе?

Я кивнул и начал своё повествование с самого начала. Ральф и его отец слушали с интересом, иногда задавали вопросы, иногда комментировали услышанное. Как и обещал, я рассказал им особую историю — о том, как спас Сайденс от нашествия призраков. В усталых глазах прикованного к постели старика вспыхнул неподдельный интерес, когда я описывал древний подземный город. Ральф тоже увлёкся и слушал уже не перебивая, до самого конца. Когда я закончил, старик довольно кивнул, помолчал немного и сказал:

— Да ты настоящий герой, парень. Надеюсь, тебе в Сайденсе хоть памятник поставили?

— Нет, но принцесса выдала мне щедрое вознаграждение, — ответил я с нескрываемой гордостью.

— А что насчёт той девушки, как, ты говоришь, её зовут — Иви? — спросил он, улыбувшись. — Судя по твоему рассказу, она для тебя что-то значит?

— Да, так и есть, — ответил я, смущаясь. — Я очень сильно люблю её, и это взаимно. Она осталась в Сайденсе и обещала дожидаться моего возвращения.

— Надеюсь, так и будет, — удовлетворённо произнёс старик. — Слышал, Ральф? Даже непоседа Эйнджел умудрился заполучить себе неплохую девчонку. Когда уже ты приведёшь в дом невесту? Имей в виду: я не умру, пока не увижу внуков!

— Ну хватит, пап, — пробубнил парень. — Вы с мамой постоянно об одном и том же. Первую встречную в дом тащить, что ли?

— Ладно, ладно, не злись, — отозвался отец. — В любом случае я рад, что ты пришёл, да ещё и с таким интересным другом.

— Между прочим, Эйнджел передал для тебя кое-какой подарок, — сказал Ральф, доставая из кармана склянку. — Он говорит, что это зелье, возможно, тебе поможет.

Старик с благодарностью посмотрел на меня и нерешительно взял пузырёк. Он долго крутил его в руках, словно не решаясь поверить, что эта вещичка может его спасти. Ральф потропил отца, и только тогда старик наконец выпил содержимое и недовольно поморщился.

— Да уж, если такая гадость меня не убьёт, то и болезнь будет не страшна, — проворчал он. — Это точно поможет?

— Не уверен, но вполне возможно, — ответил я, вставая. — Думаю, нужно немного подождать. Вы пока отдыхайте, а я приду проведать вас через несколько дней — тогда и узнаем.

Ральф согласился, попрощался с отцом и тоже пообещал заглянуть на днях. Мы вышли за дверь, и я облегчённо выдохнул. Ральф заметил это и спросил, в чём дело.

— Спасибо тебе огромное, что согласился помочь, — ответил я, немного помолчав.

— О чём ты? Это тебе спасибо! — воскликнул парень. — Даже если лекарство не поможет, ты подарил моей семье надежду. И ещё порадовал старика своими историями. Уверен, когда он вернётся домой, то будет пересказывать их раз по десять.

Мне нравилось, с какой уверенностью он говорит об этом. Может, и правда так будет? Немного веры никогда не помешает, и я всем сердцем заставил себя поверить, что лекарство обязательно подействует. Мы направились к выходу в хорошем настроении, болтая о своём. Я даже согласился отправиться с новым другом в одну, по его словам, отличную таверну, чтобы отметить первый день зимы, — настолько мы ладили. В главном зале храма всё ещё толпился народ, и нам снова пришлось пробираться сквозь людское море. Все присутствующие пели какую-то песню, которую я никогда не слышал, — наверное, это часть праздничной традиции? Странно, но язык был мне совершенно незнаком. Я спросил об этом у Ральфа, но он, кажется, не совсем понял, о чём речь:

— Ты шутишь, что ли? — усмехнулся он, когда мы вышли за пределы храма. — Это обычная песня о зиме, снежных зверях и северных духах. Какой ещё другой язык?

Действительно странно, но, может, мне показалось? Я попросил Ральфа напеть её, и он протянул один куплет на всё том же непонятном наречии.

— Ни единого словечка не разобрал, — ответил я, скрестив руки на груди. — Не знал, что в Аэрокастере все знают песни на каком-то древнем языке.

— Да нет же, я других языков не знаю! — воскликнул Ральф удивлённо. — Может, попробуешь сам напеть то, что слышишь?

Я нараспев произнёс несколько слов, которые запомнил, и заметил, как вытягивается лицо моего друга. Когда я закончил первый куплет, он нахмурился и сказал:

— Звучало как какое-то заклинание... но, клянусь тебе, слова должны быть совершенно другие!

В этот момент пошёл снег, и я услышал, как позади на дорогу что-то упало. Обернувшись, я увидел распластанную на мостовой маленькую птичку — её будто сбilo в воздухе. Ральф глянул вверх и вскрикнул от неожиданности: над нами кружила целая стая птиц, беспорядочно метавшихся среди падающего снега. Они подняли шум, и теперь уже все, кто был поблизости, наблюдали за происходящим в небе. В груди кольнуло — это был страх. Перед глазами снова встало видение: я бегу по заснеженному городу, а с неба падают белые бумажные птицы. Будто

в подтверждение моих мыслей сверху рухнуло ещё несколько пернатых тушек — похоже, они столкнулись друг с другом.

— Что происходит? — дрожащим голосом спросил Ральф.

— Я уже видел это, — ответил я, взглянув на друга. — Нам надо бежать, иначе...

Договорить я не успел: буквально в ту же секунду на нас обрушился яростный ветер, полный снега и перьев.

Мы мчались вперёд, не разбирая дороги. Прохожие в панике метались по улице, спотыкаясь друг о друга, пытались укрыться от внезапного шторма. Ветер, казалось, готов был разорвать всё на части. Я видел, как несколько деревьев рухнули под его порывами, как срывало флаги и ленты, украшавшие дома. Укрыться от стихии не получилось бы даже в зданиях: ветер сносил крыши и выбивал окна. Не переставая бежать, я попытался разглядеть в этих порывах кое-что — и наконец у меня получилось. Я прыгнул за высокий каменный забор, укрываясь от очередного удара, и рывком притянул к себе Ральфа. Он присел рядом и спросил, зачем я остановился.

— Это не просто ветер! — прокричал я, пытаюсь перекрыть гул. — Это всё духи!

— Ты уверен? — закричал Ральф в ответ. — Если это духи ветра, тогда всё очень плохо! В таком количестве они могут натворить страшных бед!

Нас прервала птица, рухнувшая почти рядом со мной. Я огляделся и увидел, что почти все дороги занесены снегом, завалены мусором и обломками зданий. Надеюсь, мне просто показалось, но, кажется, среди этого хаоса я заметил людей. Как же нам всё это остановить?

— Духи не могли взбеситься просто так, верно? — спросил я у встревоженного Ральфа. — Надо найти причину.

— Понятия не имею! — воскликнул он, уворачиваясь от очередной птицы. — Всё началось после того, как ты произнёс то заклинание. Может, это оно вызвало такую реакцию?

У меня внутри всё сжалось. Меньше всего хотелось быть причиной происходящего, но, возможно, он прав. Только вот хватило бы мне сил раззадорить такую прорву духов? Утром я едва совладал с одним-единственным, а теперь, по сути, должен управиться с целой толпой. Нет, скорее всего, здесь что-то другое. Но что?

— Надо бежать отсюда! — воскликнул я, вскакивая. — Если останемся, нас завалит.

Ральф кивнул, тоже поднялся, и мы помчались вперёд, перескакивая через возникающие на пути препятствия. Внезапно на дорогу рухнул дом, перекрыв нам путь, но останавливаться было нельзя. Ральф свернул куда-то в сторону, и я поспешил за ним. Спустя какое-то время мы очутились у ворот того самого храма, где только что были. В два прыжка достигнув входа, мы заскочили внутрь и захлопнули за собой дверь. Внутри было ещё больше людей, чем когда мы уходили. Похоже, многие решили укрыться от стихии именно здесь. Огромная растерянная толпа, только что наслаждавшаяся праздником, гудела как потревоженный улей. Где-то плакали дети, где-то завывали женщины, мужчины ругались друг с другом, а старики громко молились. Дверь то и дело норовила распахнуться, и мы с Ральфом придерживали её, пока остальные возводили баррикады.

Вдруг раздался громкий хлопок, и взрывная волна резко распахнула дверь, отбросив меня, Ральфа и ещё нескольких парней, стоявших рядом. Поднявшись, я увидел выбитую створку, а за ней — двор храма, заваленный снегом и обломками. Снегопад прекратился, тучи разошлись, и небо стало ярко-голубым, будто бури и не было. Снег в лучах полуденного солнца сделался ослепительно белым — смотреть было больно. Мы с Ральфом осторожно вышли на улицу и осмотрелись. Ни птиц, ни ветра — лишь обломки зданий и поваленные деревья указывали на то, что недавно здесь творился сущий кошмар. Я осторожно шагнул за ворота и увидел то, от чего по спине пробежал холодок: призраки. Много призраков. Они застыли на своих местах, глядя вверх и не издавая ни единого звука. Зрелище было воистину жутким, но страшнее всего оказалось другое. Я знал, что последует дальше, и оттого боялся сделать даже

вдох. Вот-вот все эти бесплотные создания в едином порыве двинутся сюда, а затем появится то жуткое существо. Ральф подошёл поближе и тоже охнул при виде застывшей толпы. Поглазев на них немного, он хлопнул меня по плечу и сказал:

— Похоже, мы легко отделались. Призраки нам не опасны, в отличие от ветра. Пойдём, разгоним их.

Он тут же двинулся вперёд, готовясь произнести заклинание, а я был так напуган, что издал лишь невнятный звук, пытаясь остановить друга от смертельной ошибки. Но он не заметил моего замешательства, подошёл почти вплотную к одному призраку, поднял руку и уверенно произнёс заклинание.

Только вот ничего не произошло. Призрак не исчез, он вообще никак не отреагировал, продолжая смотреть пустым лицом куда-то вверх. Внутри у меня всё сжалось от ужаса. Я выставил руку в сторону другого духа, выкрикнул первое пришедшее на ум заклинание — и тоже ничего.

— Опять! — закричал я, надрываясь. — Магия снова исчезла! Мы ничего не сможем с ними сделать!

Едва я подал голос, все безмолвные духи, как один, резко повернули головы в мою сторону. О нет, я всё-таки не сдержался! В то же мгновение я сообразил, что сейчас произойдёт, и бросился бежать. Ральф, увидев это, помчался следом, умоляя остановиться, но я не слушал. Совсем скоро призраки сольются в чудовище, и тогда нужно хотя бы увести их подальше от людей. Духов становилось всё больше, пока они практически полностью не заполонили улицу. Я совсем запыхался и остановился, чтобы отдышаться и прикинуть, куда бежать дальше. Ральф догнал меня и тоже замер рядом, тяжело дыша:

— Зачем ты от них бегаешь? — спросил он. — Это же самые обычные призраки, они безвредны для магов.

— Ошибаешься! — воскликнул я, оттолкнув его. — Пожалуйста, уходи, пока они не...

Договорить я не успел: из призрачной толпы донёсся неприятный гул. В то же мгновение духи, один за другим, начали стягиваться к центру, собираясь в один большой ком, который постепенно превращался в чудовище. Что же делать? Магией воспользоваться не могу, убежать уже тоже не смогу. Неужели конец?

Я в страхе попятился, пока не упёрся спиной в каменную стену забора, и услышал звон — это рукоять меча ударилась о кладку. Точно, у меня же есть оружие! Я выхватил клинок, жестом велел Ральфу оставаться в стороне и бросился на чудовище, которое уже полностью материализовалось. Уж не знаю, поможет ли меч против волшебного монстра, но сейчас это единственное, что может спасти.

Чудовище, состоящее из снега, мусора, грязи и обломков, задумчиво озиралось по сторонам, пока не заметило меня. Оно вытянуло в мою сторону одну конечность, и я одним ловким движением увернулся, после чего отсек половину. Существо взвыло и немного отстранилось, начав отращивать себе новую конечность уже в другом месте. Оно не походило ни на человека, ни на зверя — просто бесформенная масса с кучей отростков, напоминающих руки или щупальца, и большим круглым камнем в центре, который, видимо, выполнял роль глаза. Кажется, в моём сне чудовище выглядело совсем иначе. Я даже не был уверен, есть ли у этого страшилища рот, но звуки оно всё же издавало. Из-за своих размеров и отсутствующих ног передвигаться тварь не могла, зато новые отростки создавала очень быстро: на месте только что отрубленной конечности уже красовалось свежее щупальце. Как же мне одолеть это нечто?

У всего есть слабое место. Моя задача — найти его. Думай, Эйнджел, что может быть слабым местом у чудовища, состоящего из мусора и призраков? Возможно, именно призраки и есть эта уязвимость — они лишь отголоски энергии, а значит, вполне могут служить источником силы для твари. Я снова ринулся к ней, но на этот раз смог отрубить уже две конечности и вновь услышал нечеловеческий вопль. Теперь чудовищу потребовалось чуть больше времени

на восстановление, и новые отростки выглядели куда более хилыми и уродливыми. Как я и думал: призраки тратят энергию, чтобы поддерживать это создание. Если продолжить уничтожать его, скорее всего, оно само распадётся, когда сила иссякнет. Я продолжил наступление, стараясь действовать предельно аккуратно: отрубал по одной-две конечности и отходил, чтобы оценить обстановку. Спустя какое-то время я понял, что уже выбиваюсь из сил, а чудище всё продолжало отращивать новые руки и щупальца. Хватит ли меня?

Пока я стоял в стороне, замешкавшись, тварь резко схватила обломок здания, размахнулась и швырнула в мою сторону. Я отскочил буквально в последний миг. Чудище тут же подхватило другой камень, но на этот раз метнуло его в сторону Ральфа, который по-прежнему стоял у дальнего забора, с ужасом наблюдая за происходящим. Мой друг испуганно замер, и я понял: если ничего не сделать, этот обломок мокрого места от него не оставит. В отчаянной попытке спасти его я вскинул руку и прокричал заклинание защитного барьера, направив его в сторону Ральфа. К моему удивлению, барьер мне всё же удалось создать — хоть и очень слабый. Этого хватило, чтобы смягчить удар, но Ральфу всё равно досталось: он вскрикнул и рухнул на землю, заваленный развалившимся обломком.

С яростью я бросился к чудищу и принялся наносить удар за ударом. Как только оно тянуло ко мне конечность, я со всей силы отрубал её и двигался дальше. Тварь ревела под моим натиском и, казалось, замедлялась всё сильнее. Отрубив с дюжину отростков, я снова отскочил в сторону, но на мгновение упустил чудовище из виду. В тот же миг оно со всего размаха ударило меня щупальцем, которое тут же рассыпалось, — настолько сильным вышел удар. Я отлетел, выронил меч и врезался в стену полуразрушенного дома. От столкновения я на несколько секунд потерялся, закашлялся, не в силах даже вздохнуть, но едва очередная конечность устремилась в мою сторону, собрал последние силы и отскочил вперёд. Оглядевшись, я заметил меч, лежащий прямо у одного из щупалец, и со всех ног помчался туда. Все движения давно отточены до автоматизма, так что увернуться от очередного выпада оказалось несложно. Схватив клинок, я кувыркнулся, уходя от следующей атаки, вскочил на ноги и нанёс ещё несколько ударов. К моему счастью, новые конечности тварь больше не отращивала — значит, конец близок! Из последних сил я мчался вперёд, размахивая мечом и уклоняясь, пока не отсек последний отросток. Чудище взревело, задрожало и, едва я отбежал на безопасное расстояние, взорвалось. Меня отбросило взрывной волной к стене, а следом полетели обломки камней и досок. Я даже не почувствовал боли — лишь заметил, как одежда начала покрываться тёмными пятнами не то грязи, не то крови.

Наконец, когда всё стихло, я осторожно поднял голову и оглянулся. Вокруг царил полная разруха, а на том месте, где только что было чудище, зияла огромная воронка, оставшаяся после взрыва. Неужели всё кончено? Я смог пережить этот кошмар... но какой ценой?

— Ральф? — прошептал я, глядя в сторону кучи камней у забора.

Где-то в глубине района послышался шум, и я заметил отряд боевых магов, направляющихся в мою сторону. Надо сообщить им, что Ральфу нужна помощь, — вдруг они его не заметят? Как я ни пытался заставить себя подняться, тело не слушалось и продолжало неподвижно сидеть, привалившись к холодной каменной стене. Ладно, подожду, пока стражники подойдут сами, — тогда всё и расскажу. Небо по-прежнему оставалось ослепительно голубым, настолько ярким, что мне пришлось закрыть глаза, чтобы не ослепнуть от этого света. Жаль, что я не нашёл в себе сил открыть их снова, когда стражники наконец прибыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.